

**ЮРИЙ
НИКИТИН**

**ЮТЛАНД
И МЕЛИЗЕНДА**

Юрий Александрович Никитин

Ютланд и Мелизенда

Серия «Троецарствие», книга 5

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28058646

Юрий Никитин. Ютланд и Мелизенда: Издательство «Э»; Москва;

2018

ISBN 978-5-04-089641-7

Аннотация

Наконец-то совершеннолетие и право носить меч! Теперь Ютланд, сын Темного Бога, уверен: ничто его не остановит и не заставит свернуть с пути.

Но прекрасная принцесса Мелизенда, единственная дочь властелина королевства Вантит, уверена, это ее ничто не остановит, а вот она остановит кого угодно.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	73
Глава 8	83
Глава 9	94
Глава 10	106
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Юрий Никитин

Ютланд и Мелизенда

© Никитин Ю. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть I

Глава 1

– Мы вантыйцы, – рассудительно сказал Иглас, – мудрый и просвещенный народ!.. Мы в стороне как от нечестивой магии куявов, так и безумной отваги артан. У нас единственно верный путь к величию. Посмотрите, что с Куявией и Артанией!.. Оба великих царства в руинах, потеряли лучших героев, земли обезлюдели настолько... настолько...

Он погладил длинную бороду, замолчал, стараясь подобрать слово поточнее.

Корвинус скромно и учтиво подсказал:

– Что нам даже украсть нечего.

– Что нам даже украсть... – повторил Иглас машинально, спохватился, посмотрел на соратника по Тайному Совету великого тцара с укором, дескать, не вслух же такое, у принцессы дурная привычка подслушивать заседания, но Корвинус ответил бесстыжим взглядом, дескать, принцесса уже не ребенок, должна знать, как работает политика, – что даже украсть было бы нечего, если бы мы пали до такого уровня диких дикарей.

– Диких дикарей, – повторил Корвинус с заметным удовольствием. – Хорошо сказано, мудрый и великочтимый Иглас. Должен заметить, между этими дикими дикарями, Артанией и Куявией, ожидаем новый конфликт. Конечно, дикий. Сейчас оба царства в руинах, но наши люди сообщили, что умирающий Скилл, тцар и властелин Артании, неосторожно... если с нашей точки зрения, завещал трон своему сыну Трояну.

Велизар, великий тцар Вантита, пророкотал с высоты трона властным голосом абсолютного правителя:

– Артанией пока что правит Совет Старейшин! А когда у власти старые и мудрые, откуда война?

Советники умолкли, властелину Вантита возражать можно, но для приличия стоит делать паузу, словно тщательно

обдумываешь его мудрые слова, хотя Велизар известен больше добрым нравом и не свойственной владыкам беспечно-стью, но не так почитаемым глубокомыслием.

Корвинус, самый старший по возрасту тцарский советник, покосился на распахнутое в цветущий сад окно. На ветвях раскачиваются и весело щебечут птички, чирикают и дурачатся, им хорошо, а здесь, в личном кабинете тцара, уже очень немолодые люди заседают с утра, хотя подоспело время обеда.

– Троян подрастет, – напомнил он после необходимой паузы. – А с ним и поколение молодых героев, которым, как воздух, необходимы подвиги!.. Еще очень важно учесть, что Скилл, умирая, завещал сыну объединить Артанию и Куявию, так как Троян рожден знатной куявской женщиной из рода правителей Куявии. А какое объединение возможно без большой крови?

Иглас взглянул на великого тцара, тот сидит неподвижно, вид отстраненный, явно снова думает о любимой охоте на оленей и кабанов, сказал с тяжелым вздохом:

– Вы правы, мудрый Корвинус, это самое для нас опасное.

Велизар снова промолчал, лишь с неудовольствием оглядел советников из-под насупленных мохнатых бровей. Их четверо, но, как обычно, двое слушают, готовые в любой момент вмешаться с уточнениями или даже возражениями, однако Иглас и Корвинус взвешивают каждое слово.

Корвинус уточнил:

– Достопочтенный Иглас говорит о знаменитом Иггельде? Иглас вежливо поклонился и ответил со вздохом:

– Да, мудрый Корвинус, сын Торквема. Опасность усугубляется тем, что нынешний тцар и правитель Куявии, великий Иггельд, Повелитель Драконов, взял в жены Блестку, родную и любимую сестру Скилла, Придона и Ютланда...

– И теперь он сам, – досказал за него Корвинус, – может претендовать на власть и в Артании. Или на некое управление ее делами, чего ни за что не допустят гордые артане.

Молчавший долгое время Велизар проговорил веско с высоты трона:

– А вы не подумали, что обнищавшие артане и куявы могут объединиться, чтобы напасть на богатый Вантит?... Самый простой и легкий способ поправить свои дела.

Иглас и Корвинус переглянулись с самым встревоженным видом, словно такая мысль в головы не приходила и только великий тцар своей великой мудростью узрел во тьме сомнений эту великую истину. Они же трезвые и разумные люди, но это не значит, что такая дикая мысль не придет в голову диким артанам, которые плохо рассчитывают последствия своих опрометчивых поступков, но воюют очень хорошо.

– Артане могут, – пробормотал Корвинус, хотя в голосе звучало сомнение, – но, ваше величество, неужто и просвещенные куявы?

Велизар величественно наклонил голову, рубины и сапфиры в золотой короне засверкали в свете факелов ярче.

– Могут примкнуть к артанам, – произнес он веско, – чтобы продемонстрировать мир, дружбу и союз. Война дорого обошлась Куявии, второй такой не захотят. Да и в союзе могут пограбить здесь... Куявы хоть не воинственные, но практичные. Выгоды не упустят.

– В этом они близки вантыйцам, – согласился Корвинус. – Это артане могут воевать только ради славы, подвигов и доблести, а куявы лишь ради выгоды, в чем бы та ни была...

Дверь распахнулась, страж на входе пытался поймать вбежавшую Мелизенду, но принцесса, быстрая и ловкая, как лесной зверек, умело ускользнула из его рук.

Велизар зарычал, развернулся на троне с самым грозным видом, а Мелизенда прокричала на бегу:

– Вы все забыли, что решение было здесь, на пороге дворца!..

Велизар рыкнул:

– Твое своеволие перешло все границы! Мало того, что подслушивала, так еще и...

Двое стражей подбежали к Мелизенде, огромные и крупные, особенно рядом с ее хрупкой фигуркой, ухватили за руки.

Корвинус сказал миролюбиво:

– Ваше величество, не решайте так сразу и бездумно, будто вы из диких артан родом. Ваша не по годам мудрая дочь высказала интересную мысль. Случайно, конечно, у женщин, даже таких юных, это от чувств, а не от глубокого расчета,

но попала в точку.

Велизар перевел на него разгневанный взгляд.

– Говори быстрее!

– Ютланд, – напомнил Корвинус с несвойственным его возрасту величавым видом и торопливостью. – Ютланд, о котором, если я правильно понял, говорит принцесса! Именно он может нарушить все планы. Как куявов, так и артан.

Велизар спросил мрачно:

– У них уже есть планы?

– Нет, конечно, – ответил Корвинус уже рассудительно и с привычной для осторожного тцарского советника неспешностью, – но дети взрослеют быстро, а каждое поколение требует своей войны!.. Таинственный мальчик Ютлан превратился в еще более загадочного и опасного Ютланда. Здесь во дворце хорошо помнят его появление!.. А ему, как мы еще тогда поняли, только-только исполнилось четырнадцать.

Иглас скорбно сказал из своего кресла:

– Это объясняет, почему у него не было оружия... если не считать им охотничий лук.

– Но теперь получил право на меч и боевой топор, – напомнил Корвинус. – А если учесть, что в свои четырнадцать уже был развит как восемнадцатилетний? Даже и не знаю, чего нам ждать в его настоящие восемнадцать.

Воцарилась тишина, Велизар перевел взгляд на двух молчащих советников, но те лишь наклонили головы, то ли согласны с Корвинусом, то ли свои предложения еще не уло-

жили в мудрые и обтекаемые слова.

Корвинус бросил вроде безразличный взгляд на застывшую Мелизенду, она старается стать как можно незаметнее, пока о ней не вспомнили и не выдворили из кабинета.

Иглас пробормотал после паузы:

– А как вам его крылатый конь и страшноватый хорт, каких я не видывал за всю мою жизнь? И даже не слышал, чтобы о таких упоминалось в древних книгах?

Корвинус буркнул:

– Тоже подумал?

– О том, – переспросил Иглас, – что их не раз пытались отнять?.. Конечно, это первое, что приходит в голову.

Они перевели ожидающие взгляды на рассерженного тцара, тот набычился на троне, лицо злое, но властелин должен быть сдержан, и Велизар держит гнев в себе, хотя видно, как рвется наружу.

Он взглянул на советников, перевел дыхание и сказал почти нормальным голосом, в котором едва проскакивают нотки приближающейся грозы с громом и молнией:

– Смотрите в корень? Верно, если конь и пес все еще у него, это уже говорит о самом Ютланде и его силе.

Корвинус сказал с поклоном:

– Ваше величество, такого коня наверняка пытались отнять не только разбойники, но и военные для себя...

Иглас кивком головы указал на принцессу в руках телохранителей тцара.

– Правда, ее высочество говорит, что конь все время был худым и таким немощным, что на него никто бы не позарился.

– Верно-верно, – прервал Корвинус, – но то, что конь изначально был у Ютланда, случайность ли? Я бы поверил, но и хорт?.. Нет, Ютланд рожден быть героем. Кто-то это знает, иначе у него не было бы такого коня и пса.

Велизар досадливо отмахнулся.

– Никто заранее не знает, кто будет героем, а кто трусом. У великих героев чаще всего дети рождаются совсем ничемными, а где-нибудь в глуши простолюдинка дает жизнь будущему сотрясателю вселенной... Да, Ютланд может нарушить многие планы. Или, напротив, дать прекрасные возможности умным людям. А где они, если не в Вантите?

Он поднял грозный взгляд на стражей, что все еще держат принцессу за руки, ожидая приказаний, с заметной неохотой подал знак отпустить и вернуться на места у двери.

Мелизенда, чувствуя победу, приняла смиренный вид и опустила взгляд в пол, нельзя еще больше раздражать стариков, возмущенных нарушением привычного порядка.

Корвинус посмотрел на Велизара хитрыми глазами.

– Ты прав, великий тцар. Почему возможности должны оказаться у кого-то еще? Разве вантыйцы не доказали, кто мудрее всех в Троецарствии?.. Но здесь ваша дочь вопит, визжит и ломает мебель из-за того, что снова потеряла этого Ютланда, который был у нее в почти женских и потому

цепких лапках!

Щеки Мелизенды заалели, тут же вскинула голову и посмотрела дерзко и непримиримо, что почти непристойность для девушек из приличных семей.

Велизар буркнул грозно:

– Снова за свое?

Все четверо советников начали тихонько переговариваться, Мелизенда ловила на себе раздраженные взгляды, полные скрытой неприязни, только Корвинус подмигнул ей украдкой.

– Принцесса вела себя умело и достойно, – напомнил он, – другая осталась бы в лапах похитителей, не так ли? Но наша Мелизенда, выказав хитрость и присущую вантийцам выживаемость, сумела использовать этого Ютланда, чтобы он доставил ее сюда, на порог вашего дворца!.. А как перехитрила князя Говерла? Тот в состязании с нашей принцессой перестарался, недооценив противника. Подумать только, вопреки ее воле и не спрашивая нас, решил выдать ее замуж за сына своего союзника!

Иглас сказал хмуро:

– Ума не приложу, как этот брат Придона узнал...

– Вот-вот, – сказал Корвинус, – бросил свои дела, если у такого юного уже были, примчался, сумел выдернуть ее из самих хоромов Говерлы, а у него там неплохая охрана, попутно развалил дворец так, что князя задавило вместе с его приближенными и охраной.

Велизар поднял палец, останавливая советника.

– А как же слухи, что это не он развалил, а та исполинская Мать Всех Змей, что жила у него в подвале? Якобы укусила Ютланда, но умер не он, сама издохла и в корчах разнесла стены.

Корвинус отмахнулся.

– Слухи. Люди обожают красивые легенды. Приукрашивают, додумывают. Получается такое, что сами себя не узнаем. Предлагаю все же рассмотреть вариант привлечения Ютланда на службу. Или в какой-то мере для решения проблемы. Не стоит забывать, он не только принц Артании, но и брат жены куявского властелина Иггельда!

Советники переглядывались, один из дотоле молчавших наконец робко подал голос:

– Ваше величество... этот Ютланд в самом деле уже сейчас связующее звено между Артанией и Куявией. А их союз всегда опасен для Вантита. Но если есть шанс как-то заполучить его в наши союзники...

Велизар подумал, поднял взгляд на застывшую, как суслик возле норки, принцессу.

– Вон отсюда, – велел он грозно. – В свои покои!.. И не покидать до вечера, а там смиренно блюсти честь и думать о женском достоинстве!..

Мелизенда поклонилась, не стоит пытаться выжать из победы больше, чем удалось, тихонько и с робким видом, хотя хотелось завизжать и подпрыгнуть, вышла из кабинета.

Велизар величественно повернулся к советникам.
– Продолжим.

Глава 2

Мелизенда извелась, дожидаясь конца заседания, а эти старцы будто там заснули. Прошло несколько часов, в кабинет тцара слуги дважды носили еду и подкрепляющие силы напитки, а совещание все длилось и длилось.

Наступил вечер, наконец издали рассмотрела, как стражи распахнули двери кабинета и торжественно застыли по бокам под стенами.

Советники выбрали степенно, но они, дураки такие, и в большом зале останавливаются поговорить, как будто там все не решили, это же так просто, чего эти будто бы мудрые так долго обсуждают со всех сторон, когда все просто и ясно?

Когда начали все же расходиться, она выскользнула из своих покоев и прокралась за Корвинусом. Тот первым отделился от остальных и пошел неспешно прочь, зачем-то выбирая самые темные места в залах.

Услышав ее легкие шаги, остановился и спросил, не поворачиваясь:

– Заждались, ваше высочество?

Она сказала жарким шепотом:

– Это я... как вы догадались?

– Возраст, – сказал он тихо, – дает опыт. И понимание поступков.

– До чего договорились? – прошептала она.

– Ваша идея пришлась по душе, – ответил он тихо, – но в остальном все не так, конечно, как вам бы хотелось.

– Что случилось?

Он посмотрел по сторонам, понизил голос:

– Ничего не случилось. Решили на следующем заседании обсудить вопрос, как привлечь принца Ютланда на сторону Вантита. Чем заинтересовать, что пообещать, что можем дать на самом деле.

Она прошипела зло:

– А следующее заседание через неделю?

– Через две, – ответил он с сочувствием. – Нужно все обдумать, приготовить предложения его величеству. Надежность Вантита в его неспешности... Понимаю, ваше высочество, все понимаю. Вам нужно все и сразу. Даже догадываюсь, что готовы тайком ускользнуть из дворца и отправиться на поиски того юного героя.

Она отшатнулась.

– Что?

Он выставил перед собой ладони.

– Нет-нет, я никому не скажу!.. Но был бы плохим вашим наставником, если бы не умел читать вас, ваше высочество. Даже не берусь отговаривать, вы пошли в своего деда, упрямый был и своевольный, натерпелись мы от него... Правда, укрепил Вантит и проложил коридор к морю... В общем, я просто пытаюсь в манере тцарского советника снизить опасность и возможный ущерб.

Мелизенда смотрела исподлобья, хитрому тцаредворцу верить нельзя, отец говорит, что верить вообще никому нельзя, но, возможно, этому как раз зачем-то нужно, чтобы она исчезла из дворца.

– Чем помочь? – спросила она в лоб.

Он ответил шепотом:

– Отсюда и даже из города не выйти просто так. Стража не спит! Но могу помочь выбраться. Даже сам выведу. Это в самом деле будет незаметно!..

– Мне понадобятся деньги, – сообщила она, – и хороший конь. А еще припасы в дорогу.

Он улыбнулся.

– Вижу, ваше высочество все продумали. Я снабжу еще и деньгами, и в седло суну десяток золотых монет на запас. За подкладку. Чтоб только вы знали.

Она посмотрела с недоверием, но уже и надеждой.

– Вижу, вы уже с кем-то такое проделывали?

Он вздохнул.

– Ваше высочество, я прожил долгую жизнь. Все было... Более того, ваше высочество, я в какой-то мере могу помочь в поисках самого Ютланда.

Она воскликнула шепотом:

– Как?

– Точнее, – поправил себя он, – не самого Ютланда, а его хорта. Тот примчался первым, как вы помните, собаки любят забегать вперед, и уже здесь встречал хозяина с его чудесным

крылатым конем... Так вот я единственный, кто осмелился погладить того страшного пса.

– Вы отважный человек, – признала она.

– Дело не в отважности, – ответил он скромно, – хотя да, не отрицаю, но собаки линяют, ваше высочество. В моей ладони, как я и рассчитывал, остались два волоска с его спины.

Она охнула, сразу все поняв.

– Заклятие Бальдера?

– Вы крайне сообразительны, – пробормотал он. – У нас со временем будет лучшая из всех вантыйских правительниц... Вы угадали, я велел своему человеку убрать сапфир из одного вашего перстня, уж извините...

– Извиняю, извиняю, – сказала она в нетерпении. – Теперь там...

– Да, – сообщил он скромно. – Я велел прикрыть прозрачным бриллиантом, волоска не видно, но если произнести заклятие и повернуть в нужную сторону, начнет слегка светиться. Днем видно плохо, ночью заметнее. Хотя и днем можно рассмотреть, если прикрыть ладонями. Я сразу проверил, ваше высочество.

Она сказала твердо:

– Ваши услуги короне, достопочтимый Корвинус, оценены и будут щедро вознаграждены!.. Где колечко?

– Я его дам, – ответил он, – когда выведу вас из дворца. Здесь оно привлечет внимание. Вы же принцесса, на вас не просто смотрят, но и все замечают... Сейчас мой ювелир

маскирует колечко под простое, не имеющее никакой ценности. Во избежание. Надеюсь, вы не будете везде кричать, что вы принцесса.

Она поморщилась от приступа жгучего стыда, вспомнив, как бахвалилась перед Ютландом.

– Не буду.

– А колечко сможете носить открыто, – сказал он. – Никто не позарится.

– Мудро, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал повзрослому, – вы все предусматриваете!

– Ваше высочество, – ответил он скромно, – от мелочей частенько зависит так много... но мы с вами постараемся предусмотреть как можно больше. Только и вы, ваше высочество, когда окажетесь вне моего присмотра...

– Буду руководствоваться вашими советами, – пообещала она. – Вы единственный, кто не отговаривает от моего, как все считают, безумного желания вернуть Ютланда!

– Принца Ютланда, – уточнил он.

Она закусила губу.

– Он никогда-никогда ни словом, ни жестом... почему ни разу даже не намекнул?

Корвинус сдвинул плечами.

– Ваше высочество... как бы вам это помягче сказать...

– Говорите!

– Он не нуждается в титулах, – ответил Корвинус с осторожностью и, как ей показалось, с некоторой странной жа-

лостью по отношению к ней, единственной наследнице трона великого Вантита. – Он герой, это выше.

Она помолчала, чувствуя прилив жгучего стыда. Как на каждом шагу тыкала ему в лицо, что она – принцесса!.. И что он всего лишь пастух. И что должен на каждом шагу кланяться и на все испрашивать разрешения.

– Я была душой, – проговорила она упавшим голосом, – какой же я была душой...

Он взглянул с сочувствием.

– Если вы это признали, ваше высочество, то сейчас, значит, умнее. Сообщите, когда будете готовы.

– Я и сейчас! – ответила она с жаром.

– Сегодня нет, – ответил он с сочувствием, – завтра тоже... но сделаю все, чтобы смогли выехать без задержек. Если все без помех, послезавтра сможете... Но с повозкой, боюсь, ничего не получится.

– Вы же знаете, – сказала она с вызовом, – я каждый день с утра учусь держаться в седле!

Он поклонился.

– Похоже, вы все это задумали в тот день, когда он доставил вас в Вантит.

Она сказала с болью в голосе:

– Ну, почему поняла не на день раньше? Или хотя бы на час...

Следующие сутки тянулись так, что можно было в них

уместить год, а потом настал второй день, который тоже придется ждать, как сказал тцарский советник.

Только к вечеру второго дня увидела, как Корвинус неспешно прогуливается по саду, вспискнула от счастья, выскользнула из покоев, как тихая мышь.

Он заметил ее сразу, но отвернулся и направился по тенистой аллее в сторону от дворца. Стараясь не привлекать к себе внимания, она пошла следом, а Корвинус остановился у отдаленной скамьи, смахнул листья и сел, явно любуясь закатом.

Делая вид, что просто прогуливается, она шла по аллее, дважды повернулась на ходу вокруг оси, словно бы рассматривала пышно разросшиеся кусты с множеством мелких розовых цветов, поймала на себе одобрителный взгляд Корвинуса.

– Благоразумно, – обронил он, когда она легко, словно бабочка, присела рядом. – Чем меньше глаз, тем лучше.

– Какие-то новости?

Он сказал со вздохом:

– Боюсь, ваше высочество, вам в самом деле нужно потопиться отыскать принца Ютланда как можно скорее!... Это очень важно.

Она кивнула, потом спохватилась и спросила настороженно:

– А почему важно и для вас?

– Как только отыщете Ютланда, – пояснил он, – окаже-

тесь под его защитой. А судя по тому, что рассказали, хотя и очень скупо, он вас никому не даст в обиду.

– Уверена!

Он договорил:

– И я переведу дух, все-таки всегда забочусь и о себе, таком замечательном советнике вашего отца. Потому вы должны мчаться к нему очень скрытно и тайно, не останавливаясь даже на отдых. А если ночевать, то лучше не заезжайте в города и села. Там обязательно чем-то да проявите свой... уж простите, нрав.

Она гордо вскинула голову, но успела понять, что даже вот таким жестом себя выдаст, проглотила резкий ответ.

– Заночую, – ответила она смиренно, – где-нибудь в лесу под кустом.

– Провизии вам хватит, – заверил он. – Соберу на неделю. За это время вы его точно найдете.

– Если колечко, – сказала она, – будет точно показывать на его хорта, то найду быстрее.

– Я верю...

Она внимательно смотрела ему в глаза.

– Но есть что-то и еще, не так ли?

Он сдержанно улыбнулся.

– Остальное не так важно. Вернее, важно, но только в русле общегосударственной политики, а вы молодые оба, для вас важно только то, что касается лично вас. В общем, ваше высочество, передвигайтесь очень скрытно и очень тай-

но. Ни при каких обстоятельствах не раскрывая своего имени, отыщите Ютланда!

– Уже научилась, – ответила она горько, – помалкивать насчет своей принцессовости. До сих пор стыдно. Спасибо, Корвинус!

Он посмотрел по сторонам и сказал шепотом:

– В полночь. Сумейте выбраться из своих покоев. Это трудно, но я постараюсь вам помочь. Не из покоев выбраться, а из дворца.

– Я выберусь, – пообещала она.

– Обязательно поспите хоть немного, – сказал он мягко. – Иначе днем вас воробьи забьют. И еще, в дорогу лучше оденьтесь в мужское платье.

Глава 3

Заснуть, как советовал Корвинус, не удалось, сердце колотится часто, все тело горит от прилива горячей крови. Когда с высокой башни донесся густой медный звон от удара в гонг, что значило полночь, она уже стояла у двери своих роскошных комнат.

В коридоре к ее облегчению стражи нет, а когда тихонько пробежала до ведущей вниз лестницы, из темной ниши выдвинулся человек, весь закутанный в черное, не видно даже лица.

Она замерла в страхе, двор полон страшных слухов насчет убийц, что проходят даже сквозь стены, но этот человек шепнул тихо:

– За мной, ваше высочество.

– Не отстану, – пообещала она трусливо тем же шепотом.

Они пробирались вдоль стен, затаиваясь в тени, ее проводник выжидал, когда дворцовая стража пройдет мимо, затем быстро-быстро пробежали освещенное пространство и снова прятались в тени.

Так выбрались из главного здания дворца, дальше еще проще, а у самого дальнего домика из темноты вышел человек в длинном плаще, приподнял капюшон.

Мелизенда с облегчением узнала Корвинуса.

– Хорошо, – сказал он одобряюще, – бегство из спальни,

как вижу, прошло благополучно.

Она шепнула:

– Но вы же убрали стражей из коридора, признайтесь!

– Заметили? – сказал он с одобрением. – Да, пришлось поднапрячься, это же не мои полномочия.

В темноте послышалось конское фырканье. Тот же человек, что выводил ее из дворца, вышел из-за построек, держа под уздцы лошадь, довольно невзрачную и худую.

Мелизенда посмотрела на нее с разочарованием.

– Шутите?

Корвинус поинтересовался:

– Хотите выехать на белоснежном коне, укрытом дорогой попоной с самоцветами?.. У вас все отнимут сразу за воротами города. Ну, пусть не сразу, стольный град достаточно благополучен, но за его пределами...

Она прервала:

– Простите, сглупила. Вы правы.

Он сказал тихо:

– Ваше высочество, это хороший конь. У них, как и у людей, не всегда рост и внешность говорит о уме или силе. Эта лошадка невзрачная, однако достаточно выносливая и быстрая. Для вас это важнее, чем то, насколько тяжелую телегу протащит через болото.

Он умолк, она сказала с подозрением:

– За городскими воротами уже опасно?

– Не очень, – ответил он, – все-таки охранные отряды ва-

шего батюшки находят и уничтожают большие шайки разбойников везде и всюду по всему Вантиту. Но мелкие уцелывают, а от посланных и за ними прячутся в лесах.

– Хорошо, – прервала она, – это хорошая лошадка, я вам верю.

– Она быстрая, – заверил он. – Ускользнете легко, если не станете подпускать разбойников слишком близко. Вам же не для схваток? А так она зайца обгонит... И вообще, ваше высочество, вы меняетесь. Кто вас так быстро научил смирять гнев свой?.. Неужели принц Ютланд, которого надеетесь отыскать?

– Посмотрите, правильно ли я оделась? – спросила она, не отвечая на прямой вопрос.

Он наклонил голову.

– Да, вы выглядите достаточно простолюдинно. Принцессы не зря отправляются в поездки в сопровождении охраны.

– Едет не принцесса, – прервала она, – а простая девушка. На простой лошадке, на которую никто не позарится.

– На лошадку не позарятся, – согласился он, – а вот молодую девушку могут... обидеть, скажем помягче. Потому даже девушку лучше сменить на мальчишку. Волосы придется обрезать, у вас слишком пышные и прекрасные. Даже я смотрю всегда с удовольствием. Как пышный огненный цветок!

Она ахнула.

– Ни за что! Я сумею спрятать под шапочкой. Мне только

достигнуть Ютланда, а дальше я под его защитой!

Он проговорил с сомнением:

– Требований к вам, ваше высочество, многовато, сами видите. Уже, как вижу, заколебались. Возможно, стоит отказаться? Затея вообще-то безумная. Вы не похожи на свою рослую и могучую прабабушку, что могла в одиночку проехать страну из конца в конец. Она двуручным мечом владела лучше многих опытных воинов.

– Я не рослая, – сказала она, – зато быстрая и хитрая. Я справлюсь. Должна.

Он смотрел все еще с сомнением.

– Должен предупредить, ваш восторг перед Ютландом может быстро испариться. Он жесткий... и у него свои правила.

Она ответила с жаром:

– Знаю!

– И как? – спросил он.

Она ответила с чувством:

– Я почти готова их принять!.. В его горячих ладонях я согласна стать мягким воском!

Он хмыкнул.

– Ну-ну. Посмотрим, что скажете, когда встретитесь.

Человек в черном плаще молча снял с коня мешок, Корвинус подождал, пока развяжет, вытащил шапочку, оглядел ее с сомнением в глазах.

– Шапка хорошо, – сказал он задумчиво, – но могут сорвать... или сбить. Сразу станет ясно, что вы не мальчишка.

– Все-таки хотите обрезать?

Он вздохнул.

– У вас очень красивые волосы, ваше высочество. У меня рука не поднимется. Надо бы, но не смогу... Давайте посмотрим, что у нас тут есть еще... Ах да, вот это вполне... К счастью, мужчины из горных районов тоже носят платки! Это и практично, и никто не сорвет, если концы завязать по-мужски. Вот платок, ваше высочество... Да, я все приготовил. Позвольте, сам повяжу. Я умею.

Она покорно дала укрыть и повязать себе плотно голову, пощупала узел.

– Вот так и ехать?

Он сказал с грустной улыбкой:

– Зеркала здесь нет, но, уверяю вас, ваше высочество, я вижу хорошенького мальчонку, худого и достаточно невзрачного... Нет-нет, обижаться не стоит! Невзрачного по мужским меркам. Мальчики должны быть в плечах пошире, руки потолще... Если девочка будет выглядеть как мальчишка, то какая она девочка?.. В добрый путь, ваше высочество. Как только выберетесь за ворота, сразу же смотрите, в какую сторону светит камешек в перстеньке.

Она пробормотала заклятие Бальдера, присмотрелась к медленно разгорающемуся камешку, повернулась в одну сторону, потом в другую.

– Ой, в самом деле!.. Но вроде бы в ту сторону свет сильнее?

– Да, ваше высочество.

– Тогда лучше через западные ворота?

Он вздохнул.

– Увы, не всегда прямые пути ведут к цели быстрее. А вот на восточных мой человек...

– Поняла, – ответила она. – Я готова.

По взмаху его руки из тени выехал на крупном коне человек в таком же темном плаще, как и первый, но с откинутым за спину капюшоном.

– Проводит до ворот, – сказал Корвинус. – И проследит, чтобы вас выпустили. А дальше, ваше высочество... постарайтесь как можно скорее отыскать принца.

– Отыщу, – заверила она.

– И как можно скорее, – повторил он с нажимом.

– Да поняла...

– Это не только для вас, – сказал он настойчиво. – Вы должны вернуться как можно быстрее!.. С принцем. Ваше высочество, в Вантите скоро наступят трудные времена. Вы должны успеть.

Она позволила ему помочь ей подняться в седло, хотя и сама уже вскакивает достаточно легко, едва-едва касаясь стремени, но сейчас это жест доверия и близости, разобрала повод, а Корвинус тут же перестал удерживать лошадку под уздцы.

Всадник кивком велел ей следовать за ним, пустил коня неспешным шагом, не стоит без необходимости насторажи-

вать городскую стражу.

Так проехали через ночной город до городских врат, всадник жестом остановил Мелизенду, выехал вперед и некоторое время переговаривался со стражами.

Мелизенда наблюдала внимательно, но не заметила, чтобы передавал им что-то, явно здесь не подкуп, а приказ кого-то очень влиятельного. Может быть, вовсе не Корвинуса, тцарские советники не обладают властью вообще, а городской стражей командуют только военачальники.

Дождавшись взмаха руки, она пустила коня мелкой рысью, капюшон надвинула поглубже и пригнулась, скрывая широким плащом не только лицо, но и фигуру.

Стражи, как ей показалось, отвернулись, чтобы не увидела их лиц, а когда проехала под массивной аркой ворот, погнала вскачь, все еще опасаясь, что вдруг да остановят.

Еще как только выехала, пробормотала как можно отчетливее сложное заклятие Бальдера. Камешек в перстеньке оставался темным, но покрутила кистью руки в разные стороны, и чуточку засветился, указывая дорогу обратно в город.

Вздохнув, она обогнула стольный град под защитой высокой крепостной стены, а дальше пришлось мчаться по ночной дороге, что хоть и страшиновато, но пока терпимо: дорога широкая, на перекрестках частенько дежурит конная охрана торговых путей тцарства.

Правда, их тоже нужно избегать, потому хоть и трусила, но съезжала в сторону, а там немного погодя снова выбиралась на широкий тракт, по которому упорно продолжала выдерживать направление на запад.

Рассвет наступил очень не скоро, успела натрастись от страха. Ютланд в прошлый раз вез на своем коне, держа в объятиях, это было так сладко, тепло и уютно, словно птенчику в гнездышке, а сейчас скакать на лошади с костлявой спиной одно мучение, несмотря на удобное седло.

За спиной небо сперва посветлело, стало розовым, но она не оглядывалась, наконец дорога впереди озарилась оранжевым огнем, а впереди помчалась огромная длинная тень, таинственная и призрачная.

К тому времени, когда Мелизенда измучилась и восхотела есть, тень укоротилась и спряталась под брюхом неутомимо скачущей лошади, а когда далеко впереди слева у самой дороги начало вырастать двухэтажное здание из бревен, Мелизенда с облегчением перевела дыхание.

Лошадка тоже ощутила, что впереди отдых, ясли с сеном, чистая вода из колодезя, копытца застучали по сухой, выжженной солнцем земле чаще и даже веселее.

Мелизенда старалась не показывать, что постоянный двор видит впервые, въехала в распахнутые ворота с самым уверенным видом, в одной руке повод, другую красиво уперла в бок.

Во дворе колодец и длинное корыто, выдолбленное из по-

ловинки толстого дерева, двое лошадей у коновязи, а на широком крыльце разместился на ступеньке лохматый мужик.

На коленях нечто непонятное, он с трудом прокалывает толстую кожу длинной массивной иглой с очень толстой нитью и с усилием плотно стягивает края.

Судя по тому, что она раньше видела в конюшнях отца, мужик ремонтирует протершийся хомут.

Мелизенда сказала весело:

– День добрый!.. Комнаты для ночлега есть?

Мужик окинул ее внимательным взглядом.

– Все есть, мальчик. А тебя что, одного отпускают так надолго?

– Нет, – ответила Мелизенда, – это я так, просто интересуюсь. Я мимо и дальше. Только дорогу уточнить и коня напоить.

Мужик сказал с интересом:

– А самому слезть, размять ноги, напиться?

– Сперва коня, – ответила она грубым мужественным голосом, как ей казалось, что грубым и мужественным. – Мужчины должны быть выносливее.

Она соскочила на землю, ноги в самом деле как ватные, если бы не держалась за луку седла, могла бы и свалиться, с усилием разогнула спину, где в пояснице как будто все онемело.

Мужик ухмыльнулся, все мальчишки стараются выглядеть старше своего возраста, потому копируют взрослых в

разговоре и даже жестах.

– Воды в дорогу?

– Наполню флягу, – ответила Мелизенда. – Этого хватит.

– А вина?

Она сделала небрежный жест.

– Со вчерашнего не пью. Только когда выполняю, тогда...

– А что тебе задано?

Она ответила тем же небрежным и грубоватым голосом:

– Меня послали найти всадника по имени Ютланд. Он на большом черном коне, а еще с ними всегда большой черный хорт с красными глазами.

Мужик покачал головой.

– Звучит страшновато.

– Это не мое дело, – ответила Мелизенда. – Мне велено передать, что его ждут в Вантите. Только и всего. Скажу и пойду пьянствовать, ха-ха!

Мужик посмотрел с прищуром.

– Вообще-то такой проезжал здесь. Недавно...

– Ого, – сказала Мелизенда, сердце ее учащенно забилося. – Когда? В какую сторону поехал?

Мужик повернулся, показал на запад:

– В ту сторону. Неделю тому.

Сердце Мелизенды тут же похолодело.

– Неделю?

– Ну да, – ответил мужик. – Всего-то... Догонишь быстро.

– Ну да, – пробормотала Мелизенда. – Он же не скачет

все время? Где-то спит пьяный... Может быть, уже вон в том селе, что по ту сторону речки?

– Может, – ответил мужик безмятежно. – Мост ниже по течению. Не дальше двух верст. На такой кляче суток за трое доберешься.

– Да хоть и за неделю, – ответила Мелизенда лихо. – Я не спешу.

Глава 4

Выехав за околицу, в самом деле не погнала коня в галоп, пусть думают, что не торопится, в мире ничего срочного, не стоит народ пугать спешкой.

Но как только выступ леса закрыл за спиной село, тронула повод, а конь, словно понимая ее нетерпение, тут же пошел частыми ускоряющимися скачками.

Две версты тянулись что-то слишком, Мелизенда начала тревожиться, мир страшноват, впервые вот так без свиты, без готовых услужить придворных. В прошлый раз было сказочно уютно потому, что Ютланд принял ее прямо из рук умиравшего начальника охраны и перепуганной няньки, и хотя она грызла его и придиралась всю дорогу, но только уже дома поняла, что никогда не чувствовала себя такой защищенной и счастливой.

Она с облегчением вздохнула, рассмотрев далеко впереди переброшенный через реку мост, широкий, каменный, построенный точно в те времена, когда власть была крепка и правители не тревожились за безопасность своих границ, строили дороги, мосты и торговые пути.

Слева от моста в небольшой низине успела рассмотреть довольно большую хижину, сверху доверху то ли утыканную зелеными ветвями, то ли стены и крыша целиком из этих плотно переплетенных ветвей.

В другой раз проехала бы мимо, но заинтересовало, что от дороги к хижине протянулась странно протоптанная тропа, словно по ней ежедневно ходят сотни мужчин в тяжелых сапогах, настолько уплотняя землю, что стала крепче камня, и там ничто не растет даже после дождей.

После минутного раздумья повернула конячку мордой в ту сторону. Это Ютланд проехал бы мимо, но она, если хочет быть ему другом и помощником, должна знать больше...

Земля под копытцами простучала сухо и звонко, в самом деле гранит, хотя вокруг достаточно рыхлая и влажная, сказывается близость реки, странная избушка приблизилась, стены в самом деле из живых ветвей, на многих цветы, источающие странные, но приятные ароматы, на трети уже корбочки плодов...

Мелизенда соскользнула по конскому брюху на землю. Под ногами влажно хрустнул мясистый стебель, выползший прямо к порогу, остальные два поспешно втянулись обратно под защиту колючих кустов.

Дверь отворилась без скрипа, Мелизенда опасливо заглянула, быстро осматриваясь, хижина показалась внутри просторнее, чем смотрится снаружи.

Три широких стола от края до края плотно заставлены глиняными и чугунными мисками, ступками с травами, корешками, различным зерном и мелкими комочками чего-то, напоминающего истолченные в зернистый песок камешки. На деревянных и чугунных досках разложены для сушки по-

резанные травы, растолченные зерна, орехи.

Очень старая женщина, согнутая возрастом и с ужасно морщинистыми руками, не обращая внимания на застывшую на пороге Мелизенду, продолжала заливать в одни ступки молоко, в другие сок растений, толкла там, перемешивала, бормотала под нос некие заклятия.

С потолка от стены и до стены тесно свешиваются пучки трав, корешков, содранной коры, сушеных ягод, запах в хижине сильный, пряный, богатый оттенками.

Мелизенда соступила с порога на пол, почему-то каменный, словно в глубокой пещере, старуха все так же не обращает внимания.

Вдоль всех стен широкие полки с горшками, мисками, ступками, там же горками сложены пестики разного размера. В правом углу над большим котлом плотными клубами поднимается густой пар, хотя никакой жаровни под ним Мелизенда не увидела, как ни таращила глаза.

Старуха наконец изволила заметить трепещущую Мелизенду, толочь в ступке травы не прекратила, но взглянула на гостью не по-старчески острыми глазами.

Мелизенда поежилась, старуха словно прожгла взглядом ее насквозь, от такой никакая одежда не защита, сказала робким голоском:

– Здравствуйте... Вы так далеко от села, вам не опасно одной?

– Зато близко к дороге, – прервала старуха. – Что тебе

нужно, девочка?

Мелизенда пробормотала:

– Разве я не... мальчик?

Старуха поморщилась.

– Других обманивай. Не только я вижу девчонку знатного рода.

– Что-о?

Старуха сказала равнодушно:

– Не волнуйся, мне все равно, кто ты и куда едешь. Своих дел хватает. И тоже важных.

Мелизенда проговорила опасливо:

– А кто еще видит во мне... не то, что видно всем?

– Не знаю, – ответила старуха. – Успокойся, таких немного. В нашем городе только я, но, вообще-то, есть на свете и другие, что видят еще издали... Что на самом деле заставило тебя выпорхнуть из дома, где ты каталась, как сыр в масле?

Мелизенда вздохнула и ответила храбрым голосом:

– Я ищу всадника на огромном черном коне... а с ними еще и большой черный хорт с красными глазами!

Старуха замерла на мгновение, Мелизенде почудилось, что чем-то сильно испугана, наконец разогнулась, ответила хриплым голосом:

– Какого из них?

Мелизенда пугливо сглотнула, сердце начинает колотиться чаще и суматошнее.

– А что... их двое?

Старуха ответила медленно:

– Однажды проезжал в наших краях мальчишка на черном худом коне, а с ними был худой заморенный хорт с багровыми глазами... Мальчишка спрашивал насчет всадника на огромном черном коне, у которого возле стремени бежит хорт.

Мелизенда зябко повела плечами.

– Я... не знала...

– Тебе нужен тот всадник, – спросила старуха враждебно, – или мальчишка?

– Конечно, мальчишка, – вскрикнула Мелизенда. – Зачем мне тот всадник?

Старуха продолжала сверлить ее неприязненным взглядом.

– Думаю, в самом деле мальчишку... потому что тот всадник, похоже, сама смерть...

– Нет-нет, – заметила Мелизенда в страхе, – мне тот всадник не нужен! А что насчет мальчишки?

– Я его не видела, – буркнула старуха, – но о нем говорили много. Теперь уже не мальчишка, а еще у него, говорят, такой же огромный черный конь, а хорт вырос и стал страшным зверем.

– Совсем не страшным, – возразила Мелизенда. – Где он сейчас?

Старуха покачала головой, не сводя с нее все еще враждебного взгляда.

– Кто знает пути мужчин?..

– Женщины должны знать, – ответила Мелизенда с трусливой твердостью. – Иначе мужчины такого натворят!

Старуха покачала головой.

– Ишь, умница. Ты нашего племени... Ладно, мальчишка тоже проезжал недавно здесь снова. Только он, похоже, не человек. Человек не может из мальчишки так быстро превратиться в молодого мужчину с могучими мышцами... В общем, его видели в селе вон за тем лесом.

Мелизенда благодарно пискнула:

– Спасибо! Большое спасибо.

Старуха прекратила толочь и, отложив пестик, начала выливать из ступки странно красную массу, от которой даже на Мелизенду пахнуло сильнейшим жаром.

– Не за что, – буркнула старуха. – Да еще большое...

Мелизенда, спасаясь от сильнейшего жара, на который хозяйка совершенно не обращает внимания, отступила на порог, взялась за ручку двери.

– Вы мне сильно помогли, – храбро сказала она. – Я очень благодарна! Можно, я вам оставлю золотую монетку?

Старуха покосилась на нее в изумлении, вздохнула. Мелизенда впервые увидела, как на ее застывшем морщинистом лице появилось какое-то выражение.

– Знала бы, за что благодаришь... Ты вся светлая, как ясное утро, а он черный, как грозовая ночь...

Мелизенда в испуге выскользнула за дверь, а потом, уже

переезжая мост, старалась вспомнить, оставила на столе золотую монетку или в страхе обо всем забыла.

Лошадка, которой такие страхи неведомы, бодро перенесла на тот берег, дорога дальше хорошая, ровная.

Мелизенда еще раз проверила светящийся камешек в перстне, заклятие Бальдера пробуждает кристалл в перстне ненадолго, надо успеть определить верное направление, но уже наловчилась, а конь под нею все еще мчится без признаков усталости, уже появилась надежда, что вот-вот увидит его еще издали, домчится и с радостным визгом бросится на шею.

Он ни за что не оттолкнет, хотя, возможно, сделает неприступный вид, мужчины почему-то боятся выказывать свои чувства, но она предельно четко запомнила тот момент, когда он доставил ее прямо к порогу дворца, и много раз возрождала этот момент в памяти и все еще делает это снова и снова.

Мог бы сразу повернуться и умчаться, как и обещал, но он медлил, отвечал на глупые вопросы, а она, дура набитая, тоже хлопала ушами, слишком растерянная, а он ждал напрасно, наконец повернул коня и умчался.

– Дура, – сказала она с сердцем. – Почему не бросилась ему на шею тогда?.. Почему не удержала? Постеснялась при посторонних?

Конячка на скаку чуть повернула голову и покосилась на нее в удивлении, что-то всадница начинает говорить сама с

собой, а потом еще начнет и несуществующих чертей хватать за хвосты на стенах.

Мелизенда сказала сердито:

– Но-но, это я строю счастливое будущее для всего Вантита!.. Лошадям и мужчинам не понять величие моих планов!

Лошадка пристыженно ускорила бег, а Мелизенда на ходу сверилась с огоньком в перстне. Ютланд, если верить заклятию Бальдера, движется в так называемые Новые Земли. Там в последние годы властвовала сильнейшая засуха, что очень плохо, но зато пересохли топи, полностью испарились многочисленные болота.

Самые беспокойные люди, что обязательно лезут во все щели, обнаружили за исчезнувшими болотами плодороднейшие земли, никем не заселенные, богатые лесной и степной дичью, птицей, рыбой в озерах и реках, а также плодородными землями.

Пока беднота раздумывала насчет того, чтобы попробовать перебраться туда, где никакой власти и никаких налогов, в те места отправились искатели приключений, герои и любители легкой наживы.

Вряд ли Ютланд отправился искать приключения, да и легкая нажива не заинтересует того, кто равнодушен к своему титулу принца Артании, но тогда... что его туда понесло?

К счастью, вроде бы отправился хоть и в Новые Земли, однако путь его идет через Серые Плеши и Темнолесье, там пустующие земли уже освоены и заселены, диких зверей и

чудовищ частично истребили, частью оттеснили в дремучие леса и непроходимые чащи, а города оцетинились сторожевыми вышками, так что даже по ночам стаи волков получают такой отпор, что их набеги прекратились.

Небо впереди из голубого превратилось в синее, потемнело, затем низкие облака окрасились в багровый цвет, а весь небосклон начало заливать оранжевым огнем закатного солнца.

Мелизенда поглядывала по сторонам с тревогой, но вскоре из-за леса поднялись высокие каменные башни, а когда деревья ушли в сторону, дорога помчалась к городской стене, пусть и деревянной, но все же защищающей горожан от набегов лесных зверей.

Город небольшой, на въездных воротах на Мелизенду не обратили внимания, как и на въезжающие с сельскими товарами подводы, она собиралась ехать в центр, но тут же увидела здание гостиницы с заметными вывесками, где жареный гусь расположился на широком блюде.

Расчетливый хозяин гостиницы расположил ее вблизи, чтобы приезжающих перехватывать сразу, очень удобно, мелькнуло у Мелизенды, ей же только переночевать, город не интересует...

Трепеща от страха, что сделает что-то не так, медленно въехала во двор, присматриваясь и прислушиваясь ко всем. Корвинус часто говорил, что если не знаешь, как вести себя в новом месте, просто копируй других, и никто не обратит

на тебя внимания.

Комнату для ночлега удалось снять легко, не сезон, половина помещений пустует, только плату подозрительный хозяин взял вперед. Ужинать внизу в общем зале харчевни Мелизенда не решилась, поела из запасов, которыми снабдил Корвинус, робко вышла во двор.

На нее не обращали внимания, подросток есть подросток, невзрачный и нелюдимый, а она жадно прислушивалась, о чем говорят слуги и прибывающие гости.

Кроме жарких споров насчет будут ли введены налоги в их вольном городе, иногда проскакивало что-то о драконе, которого завалил недавно некий герой.

Мелизенда вслушивалась жадно, один из рассказывающих заметил, ухмыльнулся.

– Что, мальчик, и ты мечтаешь убить дракона?

Мелизенда робко кивнула, не решаясь подать голос, а то вдруг не сумеет сделать его по-мужски грубым.

– Тогда ты опоздал, – сказал мужчина. – Здесь дракон убит, а в других местах кто знает, вдруг там и нет?

Двое его друзей захохотали, один сказал с сожалением:

– Только девку оставил... что за герой? Спас – должен жениться!

– Молодой ищщо, – сказал другой. – Пусть жирку нагуляет...

Они захохотали и пошли в харчевню, Мелизенда осталась в сторонке, стараясь не привлекать внимания, наконец при-

смотрела одну молодую служанку с милым и добрым лицом, дернула ее за рукав.

– Скажите... это же неправда, что герой спас женщину? Я слышал, герои в пещерах драконов ищут только сокровища!

Девушка улыбнулась.

– Мальчик, ты еще не понимаешь, женщина может стоять дороже всех сокровищ... Все было так, как говорят. Он спас Клоторинду, она вон там работает в лавке...

– Спасибо, – сказала Мелизенда.

Лавку ввиду наступления ночи уже закрыли, торговец как раз навешивал на толстые ставни замки, ему помогала молодая женщина, Мелизенда ревниво отметила ее нежные белые руки и румяные щеки, а грудь выпячивается из низкого выреза платья сочная и зовущая жадные мужские лапы...

Когда купец небрежным взмахом отпустил ее и сказал строго, чтобы утром не опаздывала, Мелизенда некоторое время кралась сзади, а когда увидела, что девушка подошла к калитке какого-то домика, догнала поспешно.

– Ой, погодите! Это вас зовут Клоториндой? Правда, что именно вас неведомый герой спас от дракона?

Девушка обернулась, глаза заблестели счастьем, так показала Мелизенде еще лакомее, насколько понимает примитивные мужские вкусы.

– Да, – ответила она ликуя, – это была я! Меня он спас и вынес из пещеры на руках!.. Такой сильный, у него такие горячие руки...

– Он был с топором? – спросила Мелизенда. – Высокий такой, волосы черные, как смоль, а с ним такие же черные конь и хорт?

– Да, – ответила Клотаринда, глаза ее лучились счастьем, – вы его знаете?

– Это один из моей родни, – ответила Мелизенда холодно и с надлежащей надменностью. – Многочисленной родни! Достойный, но, увы, своенравный воин. Его отправляли с важным заданием, потому его не очень хотелось бы потерять как семье, так и племени. Меня послали за ним, велев узнать, почему задержался, он давно должен был вернуться. Чем здесь занимался?

Клотаринда сказала с восторгом:

– Говорят, он совершал и другие подвиги! Я не знаю, но у него такой вид, что он создан для подвигов...

– Что, – спросила Мелизенда с неудовольствием, – в самом деле?

– Да, – воскликнула Клотаринда. – Как он красиво и отважно убил дракона!.. Меня принесли в жертву, так как сочли самой вкусной для этого жуткого чудовища, а моей родне выплатили большую сумму золотом... Не знаете, требуют деньги обратно или нет?

– Не знаю, – оборвала Мелизенда. – Как он его убил?

– Топором, – сообщила Клотаринда счастливым голосом. – Топором, хотя у него за плечами настоящий меч!.. Дракон еще не начал меня есть, хотя уже собирался. Мне бы-

ло так страшно, так страшно, хотя моей семье и заплатили столько, что год смогут жить безбедно... А он ворвался, красивый и прекрасный. Топор в его руках заблестел, как молния!.. Он рубил и рубил... молча рубил! Хотя герои всегда что-то кричат, даже выкрикивают... а он последним ударом рассек дракону весь череп до самой шеи, кто бы мог подумать, что такое возможно?

Мелизенда спросила торопливо:

– И что было дальше?

– Он вынес меня из пещеры на руках! – сказала Клотаринда ликующим голосом. – А руки у него такие сильные, горячие, крепкие!.. Я чувствовала себя так же счастливо, как в детстве, когда залезала на могучий дуб перед домом. Он вынес меня из холодной темной пещеры в жаркий солнечный день...

Мелизенда уточнила враждебно:

– Дуб вынес?

– Нет, – воскликнула Клотаринда тем же глупо радостным голосом, – тот великий герой меня вынес!.. Хотя его руки так же крепки, как толстые ветви дуба, на которых так любила сидеть, прижавшись к стволу! Он вынес, нежно опустил на землю...

Мелизенда сказала злобно:

– Ах, еще и нежно?..

Клотаринда сказала плачущим голосом:

– Не ругайте его, что чуточку задержался, выполняя по-

ручение вашего племени! Да, чуточку... Как только вынес меня, сразу сказал, что свободна, могу идти куда захочу. А мне так хотелось, чтобы моя деревня отодвинулась за тридцать земель и чтобы отнес туда, это заняло бы столько дней и, надеюсь, ночей, в которые я постаралась бы сделать для него все, что пожелает...

Мелизенда процедила сквозь стиснутые зубы:

– Еще бы. А что он?

Клотаринда тяжело вздохнула, лицо ее омрачилось.

– Моя деревня рядом... Я подумала, что он это знает, поэтому просто поблагодарила, поцеловав его в щеку. Я надеялась, что он...

– А он что?

Она сказала упавшим голосом:

– Он почему-то не стал останавливать, когда я медленно повернулась и пошла... Наверное, нужно было продолжать целовать, пока не ощутил бы желание взять меня, как женщину, по-мужски крепко и грубо, насладиться мною, как ему угодно...

– Не такой уж он и дуб, – проговорила Мелизенда, чувствуя, как злость вытесняется радостью. – А он что?..

– Вскочил на своего страшного коня, у которого глаза как угли из костра, свистнул хорту, и все трое умчались, как могучий черный ураган, что мог бы подхватить меня и унести...

Она тяжело вздохнула, руки бессильно опустились вдоль

тела, а пышная грудь колыхнулась и застыла.

Мелизенда сказала с лицемерным сочувствием, с трудом сдерживая злую радость:

– Ничего, другой унесет. Вон ты какая лакомая!

– Других таких нет, – ответила девушка печально.

Глава 5

Утром, стараясь ни с кем не встречаться, она неумело оседлала лошадку и покинула постоянный двор, стараясь так же незаметно выскользнуть из города, пока не начали задавать вопросов и не распознали, что не совсем мальчишка.

Огонек в перстне упорно показывает на запад, что хорошо. Ютланд, скорее всего, остановился где-то в одном месте, а в этом случае она окажется возле него очень скоро.

Лошадка на второй день пути начала заметно уставать, Мелизенда крепилась, но когда впереди снова заблестела речка, остановила на берегу, прицепила к морде торбу с овсом, а сама с наслаждением рухнула на траву, сбросила сапоги, после чего сунула распухшие ступни в холодную воду.

Возле пальцев появились мелкие рыбешки, начали деликатно покусывать мягкими губами. Мелизенда так повизгивала от щекотки, что лошадка перестала щипать траву и, насторожив уши, воззрилась на нее в удивлении.

– Лопай, – сказала Мелизенда по-хозяйски. – Я тоже изволю перекусить, а потом... может быть, сегодня уже отыщем того, с кем не придется прятаться?

Корвинус как-то говорил, что молодые восстанавливают силы быстро, и в самом деле, Мелизенда чувствовала себя измученной и разбитой, когда сползала по конскому боку на землю, но стоило перекусить и чуть-чуть полежать на мяг-

кой травке, как снова ощутила сильнейший зов подняться в седло и упорно следовать зову.

Сперва намеревалась двигаться вниз по течению в поисках моста, но песчаное дно так заманчиво просвечивает под прямыми лучами солнца, что решила пустить коня вброд, тряслась от ужаса, вдруг что-то цапнет прямо из золотого песка, но в самом глубоком месте возле того берега вода поднялась только до стремян, а дальше лошадка сделала рывок и легко взнесла всадницу наверх по крутому берегу.

На той стороне все та же степь, Мелизенда некоторое время направляла коня по лучику в перстне, затем наткнулась на дорогу в том же направлении.

Лошадка тоже вроде бы обрадовалась, копытца застучали бодрее. Так неслись довольно долго, Мелизенда ощутила голод, на ходу вытащила из сумки ломоть хлеба с мясом, с наслаждением вонзила зубы и подивилась, как это, оказывается, вкусно, если не за столом во дворце, а в дальней дороге.

Деревья растут плотными группами, помогая друг другу выстаивать против ветра, морозов и летней жары. Возле одного из таких рассмотрела небольшое село, дома только-только строят, но половину гая уже вырубili.

Заезжать не собиралась, от людей лучше держаться подальше, даже хотела проехать мимо, когда по дороге догнала телегу с мешками муки, один молодой парняга держит вожжи, управляя парой коней, второй сидит рядом и зевает во весь рот, вот-вот свалится прямо под колеса их телеги.

Этот зевун, увидев ее в седле, крикнул:

– Ей, ты чего без мамки?

Мелизенда подала коня на обочину, чтобы парняга не дотянулся с телеги, ответила дерзко:

– Это тебе нужна мамка! Вон рот не закрывается. Ворона прямо щас влетит!

Возница покосился на нее веселым глазом, но промолчал, занятый лошадьми, а зевун поинтересовался:

– Ты чего один? Я бы тебя держал возле печки. Или в люльке.

– Герои едут, – ответила Мелизенда заносчиво, – куда изволят!

– Ух ты, – сказал зевун, – да ты герой, оказывается... Правда, сопельки вон до пояса, но все равно герой?

Возница буркнул, не поворачиваясь:

– А что, тот мальчишка тоже не смотрелся героем...

Зевун возразил:

– Он не смотрелся, но когда я увидел его коня и хорта, то понял, что человек не совсем простой...

Сердце Мелизенды застучало чаще.

– Здесь проезжал настоящий герой?

Зевун потянулся, зевнул еще шире и сказал с великим удовольствием:

– Да, теперь у нас разговоров будет на год!.. И детям перескажут. Такое не часто случается. Вон там видишь горы?.. Говорят, там живут дивы, но живут и живут, мало ли кто где

живет?.. Но на той неделе то ли день выдался у них без добычи, то ли еще чего, но двое спустились с гор и дошли до нашего села...

Возница сказал зло:

– Сломали два дома!.. Начали хватать скот, овец пожирали целиком, а коров разрывали на части и тоже съедали прямо на месте...

Зевун молодецки повел плечами, сказал с таким восторгом, что и без того широкое лицо расплылось в стороны, ставши похожим на полную луну:

– А тот молодой герой остановил их обоих!

Возница возразил:

– Он вмешался не из-за коров! Дивы схватили Акулинду, а она так верещала и отбивалась в их руках, что герой услышал, когда проезжал мимо.

– Да, – подтвердил зевун, – герой... это герой! Как он мог мимо и дальше? Тут же повернул своего страшного коня и с грозным кличем...

Возница уточнил:

– Он молчал. В том все и дело! За все время ни слова, я не представляю... Но так было еще страшнее.

Мелизенда взглянула на них с настороженностью.

– Что, он бросился освобождать именно ту женщину?

Зевун ответил философски:

– Если бы не верещала, проехал бы мимо.

– Что же он за герой? – спросила Мелизенда ядовито. –

Герой должен героить денно и ночью.

Возница хмыкнул.

– А если ему все равно?.. Вот не хотелось драться в этот день?.. Может, он дерется, когда пьяный? Или за деньги?..

– Тогда он не герой, – сказала Мелизенда. – Герои должны быть бескорыстными. И что, он освободил ту Акулинду?

Зевун засмеялся довольно.

– Причем вовремя!.. Они только-только содрали с нее платье, но больше ничего не успели. Он налетел, как черный вихрь, одному сразу разрубил голову до челюсти, а с другим дрался чуть дольше, но тоже не очень...

Мелизенда спросила, стараясь держать лицо неподвижным:

– А что та Акулинда, отблагодарила?

Зевун с плотоядной усмешкой развел руками.

– Кто знает? Наверное... А как же иначе? Иначе будто бы зазря... Ну, пусть не зазря, но без благодарности как-то не закончено... За такое нужно сказать хотя бы спасибо, а как еще женщина лучше всего может сказать спасибо?

– Тем более, – поддержал возница, – дивы сами все подготовили... Герой подхватил ее голую к себе на коня и куда-то увез... Она потом клялась, что прямо к ее родителям, но как-то вроде не совсем так уж скоро...

– К утру появилась, – сказал зевун, – может, она под кустиком ночь провела? Так что все пристойно. Она же спасена, вот что главное.

Мелизенда процедила сквозь зубы:

– Да, главное, что спас ее шкуру.

Она пустила коня вперед, возница крикнул вдогонку:

– Да там и под шкурой было такое сладкое мясо...

Ветер засвистел у ушах Мелизенды, от обиды хотелось кричать и плакать, ну почему это он освобождает каких-то толстых баб, почему те дуры с куриными мозгами постоянно лезут в лапы дивов...

К вечеру впереди начали подниматься башни города. Дорога решительно повела прямо к распахнутым воротам, Мелизенда поколебалась, в городе людей слишком много, но в лесу или у дороги ночевать страшно, лучше уж в гостинице, нужно только держаться нелюдимо и неприступно, пусть думают, что мальчишка старается выглядеть взрослым, и не пристают.

В гостинице, как она заметила сразу, она не одна такая, что старается не привлекать к себе внимания. Даже ужин некоторые заказали в свои комнаты, не желая появляться на людях.

Она тайком сверилась с колечком, поинтересовалась у слуги, что разнес еду и возвращался с пустым подносом:

– Здесь останавливаются все, кто едет через город?

Он кивнул с гордым видом.

– Да, это пока единственная гостиница! Строят еще одну, но та все равно поменьше и не в таком выгодном месте.

– Всадник на черном коне, – сказала она, – что недавно

побил двух дивов в селе неподалеку, останавливался здесь?

Слуга покачал головой.

– Да, заезжал такой. Его сразу заметили. Нет, он проехал мимо и дальше. Как все они делают. Мимо и дальше. Такая у них натура.

– Кто он? – спросила она настойчиво. – Почему не остался?

– Герой на черном коне? – переспросил слуга с интересом. – Никто в городе о нем ничего не знает... Разве что Кривой Ясень, он в городской управе, этот и живет чуть ли не вечно, и летопись ведет вообще изначально. До него тоже вели, теперь он ведет...

Она спросил недоверчиво:

– Он может знать про этого всадника?

Слуга двинул плечами.

– Если он не знает, тогда вообще на свете никто ничего не скажет. Ладно, я тоже люблю поговорить о героях и подвигах, но нужно бежать, хозяин рассердится.

Мелизенда проводила его долгим взглядом. Значит, утром первым делом нужно побывать в городской управе...

Утром, наспех позавтракав, она поспешила в центр города, там в небольшом водоеме, огражденном камнями, женщины стирают на досках белье. К каменным стенам пристроены навесы, под которыми торговцы продают свои товары, народ одет беднее, чем в Вантите, но выглядит живее, все спешат с озабоченным видом, жизнь кипит.

Когда начала расспрашивать о городской управе, ее направили через площадь к самому крупному зданию, а оттуда в подвалы, где в конце концов отыскала городского летописца в тесной комнатке.

Из мебели здесь всего два стола, и на обоих высятся две стопки толстых и с виду очень ветхих книг, зато вдоль стен целые стеллажи с толстыми пухлыми книгами в переплетах из дерева и даже меди.

За столом согнулся над рукописью старый и согбенный от постоянного корпения над рукописями мужчина, но когда бодро и настойчиво простучали ее каблучки на входе, обернулся, сказал с великим неудовольствием:

– Тебе чего, мальчик?

– Здравствуйте, – сказала она вежливо, – это все летописи этого города?

Он оглядел ее с головы до ног, очень недовольный, скрипел старческим голосом, похожим на скрип рассохшегося дерева под сильным ветром:

– Шутишь, мальчик?... Нашему городу семь лет от роду. Эти книги о наших краях и древних временах.

– И все прочли? – спросила она. – Тогда сможете рассказать мне о черном всаднике на огромном черном коне, с которым всегда рядом черный хорт с багровыми глазами?

Он взглянул на нее исподлобья.

– А тебе зачем такое, странный мой мальчик?

Мелизенда положила перед ним на стол золотую монету.

– Я любознательный.

Он хмыкнул, на монету даже внимания не обратил, но она по движению его брови исчезла так, словно ее и на свете никогда не было.

– Есть тайны, – ответил он хмурым голосом, – которых лучше не касаться. Самые безобидные из них просто отвратительные, но есть такие, что, если назовешь вслух, обязательно случится что-то недоброе. Всадник на черном коне и с хортом рядом – это властелин подземного мира безумный бог Патута.

– Ох, – проговорила она испуганно, – я вообще-то думала о другом всаднике. Он тоже на черном коне и с хортом... Что, их двое?

Летописец сдвинул плечами.

– Всегда был один. Таких, как Патута, нет больше на свете. Ни на том, ни на этом. Но я тоже слышал что-то... хотя в такое не верю. О Патуте известно, что может мчаться и по нашему миру, миру живых, он бог, ему все доступно, но сам предпочитает свои владения, а они только внизу...

– А почему безумный?

Он ответил со вздохом:

– Говорят, обезумел от любви к одной из женщин. Правда, она тоже не простая, а из чистейших небесных дев, что поставило перед Патутой неодолимую преграду... Настолько неодолимую, что якобы обезумел от любви, хотя по мне эта версия слишком красивая, чтобы оказаться правильной.

Народ всегда облагораживает, а на самом деле могло быть проще...

– Что, – спросила она, – что могло?

Он посмотрел с невеселой усмешкой.

– Многое могло, мальчик. Но я сам хоть и не верю в такое, но придерживаюсь версии, что обезумел из-за неразделенной любви.

– Почему? – поинтересовалась она. – Если не верите...

– Люблю красивое, – ответил он с иронией, – мужчины вообще-то романтичнее женщин, те за кастрюлями не видят мир... да и не хотят видеть. А мужчины в поисках прекрасного готовы идти на край света, а там срываться в темные бездны, пытаясь дотянуться до цветка у пропасти.

Она спросила с недоверием:

– Серьезно? А как же страсть к битвам, приключениям, поискам нового... даже к власти?

Он покачал головой.

– Мой мальчик, скоро-скоро поймешь, все делается ради женщин. И все поиски нового, только чтобы удивить, обрадовать и поразить женщин. И все войны начинаются из-за женщин.

Она сказала с мальчишечьим непониманием:

– А разве это не глупость?

Он вздохнул, покачал головой.

– Когда ты ехал к городу, видел цветущие поля?.. Здесь была мертвая, выжженная солнцем и степными пожарами

земля. Даже звери избегали эти места, разве что мелочь какая вроде полевых мышей и сусликов... Но пришли эти глупые мужчины, распахали, что-то пустили под пшеницу, какие-то земли засадили яблонями и грушами, а что-то и вовсе соснами да дубами...

Она посмотрела на него в непонимании.

– А это при чем?

– Что глупые мужчины, – сказал он с ласковой насмешкой, – делают этот мир лучше. Да, воюют из-за женщин... А если это единственное, из-за чего воевать стоит?.. Во всяком случае, лучше пусть воюют и улучшают мир, чем живут в покое, а мир медленно загнивает.

Она сказала с прежней злостью:

– А что, нельзя, чтоб не воевали, но мир развивался? Разве не было таких народов?

Он кивнул и сказал ласково:

– Наверняка были. Наверняка!.. Но, как видишь, выжили только те, которые воюют. Другие где-то в далеком прошлом. Таком далеком, что даже в летописях о них ни слова, ни намека. Наверное, и сказать было нечего?

Она умолкла, потом буркнула, потому что старик смотрит на нее с ласковой насмешкой и словно бы ждет ответа:

– Неправильно это все!

Он покачал головой.

– Пока отыщут дороги получше, эта и будет правильной. Люди должны идти, искать, драться. Да за все драться! А

лучшее из всего – женщины!

Мелизенда посмотрела на него с укором.

– Дедушка, вы так говорите, будто вам все еще семнадцать лет. Разве с возрастом люди не становятся мудрее?

– Люди, – ответил он медленно, – да, становятся... но мужчины – нет. Мужчины долго живут молодыми, а многие вообще до конца жизни остаются молодыми, дерзкими и неумными... Со стороны смотреть странно, все верно, когда старик мудро решает проблемы народов, а потом из-за одной-единственной юбки делает непоправимые глупости... Но на этом стоит мир! И, надо признаться, вообще-то стоит крепко.

Глава 6

Алац мчится легко и вольно. Его пышная грива, черная, как беззвездная ночь, красиво развевается под встречным ветром, ноздри раздуты так, будто старается ухватить все запахи и ароматы мира, а тяжелые копыта бьют в землю мощно и уверенно.

Слева от стремени длинными прыжками идет хорт, такой же угольно-черный, с багровыми глазами и оскаленной пастью.

Ютланд на ходу взглянул на свои темные от солнца запястья. В первые дни после совершеннолетия от них шел свет, в солнечные дни почти незаметный, наследие матери, Порои Солнцерукой, что в темные безлунные ночи выходила на башню и обнажала руки до локтей, чтобы его отец, Осенний Ветер, издали видел далекий свет в ночи и не сбился с дороги.

Сейчас свет из рук, только если сильно пожелает, и конь как конь, никто не поверит, что этот огромный жеребец может распахнуть огромные черные крылья, пугающе кожистые, как у чудовищной летучей мыши, мощные и с длинными острыми когтями на концах. А еще при бешеной скачке из ноздрей идет дым вместо пара, что делает его пугающе грозным и опасным.

Он шевельнул плечами, приятно чувствовать за спиной

боевой топор. После совершеннолетия прошел месяц, но все еще чувствует радость, что отныне может брать в руки боевое оружие и пользоваться им, как все взрослые артане.

А Меч Хорса упрятан в ножны и прикрыт плащом слева у седла, никто не видит и не должен видеть его звездной красоты...

Он вздрогнул, резко натянул повод. С обеих сторон дороги прямо из зеленых крон заскользили к земле на веревках крупные мужчины и, выхватив мечи, с дикими криками ринулись на него со всех сторон.

Ютланд быстро огляделся, сзади дорога отрезана, без драки не уйти. Ближайшего, что набежал с тупо разинутым ртом, он брезгливо пнул сапогом прямо в лицо, Алац понял, что можно не церемониться с этими существами, они не в городе, и Ютланда зашатало в седле, когда конь начал одних отшвыривать задними копытами, а других бить передними.

Самого настырного ухватил огромной пастью за голову, раздался хруст, Алац с отвращением выплюнул дурно пахнущий кожаный шлем, глаза грозно вспыхнули багровым огнем.

– Не бери с меня пример, – предостерег Ютланд, но ощутил, как голос от прихлынувшей ярости становится хриплым и сдавленным. – Будь холоднее...

Он не заметил, когда в руках очутилось древко боевого топора, но тут же взмахнул, двое отшатнулись, одному достал кончиком лезвия переносицу, а другому снес полчере-

па.

– Мелизенда!.. – сказал он с усилием. – Мелизенда...

Еще трое пали под его ударами, а последний, судя по богатой одежде, предводитель шайки, развернулся и ринулся в чашу.

Ютланд рыкнул страшным голосом:

– Стой!..

Разбойник несясь через чашу, как вспугнутый олень, ломился через кусты, проскакивал между деревьями, Ютланд едва успевал увертываться от проносящихся рядом толстых стволов, пригибался под низкими ветками, а гнев в нем разгорался все сильнее.

Коричневая спина мелькает впереди, не приближаясь, Алац мчится, как летящий с горы валун, все чаще задевает молодые деревца, те ломаются с треском.

– Стой, – прокричал он, – остановись и отвечай, как мужчина!.. Если ты в самом деле мужчина!

Того уже шатает на бегу, тело раскачивается, однако ухитрился наддать на подгибающихся ногах, но запнулся о корягу, не сумев перепрыгнуть, упал врасстяжку.

Когда Ютланд остановил над ним коня, разбойник со стоном повернулся на спину, на потном, искаженном лице уже нет страха, только безнадежное понимание проигрыша. Грудь ходит ходуном, слышно, как холодный лесной воздух шипит в раскаленной глотке, врываясь туда через широко раскрытый рот.

Ютланд люто поинтересовался с высоты седла:

– Кто?

Разбойник сделал еще несколько частых вдохов, прохрипел:

– Тебе их не достать...

– Многие так говорили, – сообщил Ютланд.

Тот попытался изобразить усмешку.

– Даже многие?

– Ты все равно умрешь, – сообщил Ютланд. – Но можешь сказать, кто тебя послал на смерть. Тем самым отомстишь.

Разбойник покачал головой.

– Нет. Но когда придет смерть, ты ее узнаешь. И вспомнишь меня.

– Я тебя уже сейчас забыл, – ответил Ютланд.

Алац наступил на распростертого человека, под копытами затрещали череп и грудная клетка. Ютланд равнодушно смотрел вперед, мужчины не женщины, по пустякам не оглядываются.

То ли потому, что напали какие-то совсем жалкие людишки, и он не успел разъяриться, то ли так действует ее имя, но даже кровавая пелена лишь на миг зависла перед глазами розовыми брызгами, а раньше застилала взор полностью, и он впадал в безумное неистовство, после которого вообще ничего не мог вспомнить, где был и что творил в таком состоянии.

Дядя Рокош в свое время сказал с печалью, что такое не

остановить, безумие будет нарастать, а в совершеннолетие погрузится во Тьму навсегда... но случилось так, что встретил ту дерзкую, глупую и наглую девчонку, и его безумие хоть и не перестало накатывать грохочущей лавиной, как прежде, но теперь он удерживается, не давая красной пелене поглотить себя всего.

– Мелизенда, – повторил он вслух. – Как же так, не я спасаю, а ты?

Хорт уже бежит вокруг с распахнутой пастью и высунутым языком, Ютланд за приметил вдали деревушку, свистнул, Алац пошел стремительным карьером, едва касаясь копытами земли, только-только крылья не выпустил.

Через деревню ехали шагом, чтобы никого не затоптать. В деревне десяток домиков, почти в центре большой колодец с выдолбленным для скота корытом, куда ведрами наливают воду, Ютланд сразу же соскочил на землю и ухватился за ведро.

Хорт сел рядом и уставился на него ждущими глазами.

– Потерпи, – сказал Ютланд. – Сейчас напьемся все. Думаешь, ты один пить хочешь?

Алац тоже пофыркивал и в нетерпении постукивал копытом, пока Ютланд вытаскивал из колодца деревянное ведро и выливал в длинное корыто, а затем с таким наслаждением пил ледяную воду, что закрывал глаза и причмокивал, а хорт лакал жадно и шумно, разбрызгивая по сторонам капли.

Ютланд едва успел напиться сам, когда со стороны околи-

цы раздался испуганный крик. Женщины похватали ведра и ринулись к своим домам. Мужчины тоже разбежались, двери домов захлопывались, слышно было, как гремят тяжелые засовы. Кто-то успел выскочить и закрыть ставни до того, как в село с гиком ворвался конный отряд.

Всадники кто в чем, только у вожака достойные воина доспехи из плотной кожи. Он пронесся красиво и лихо по центральной улице, на Ютланда у колодца бросил внимательный взгляд, но тут же простер руку в сторону дальнего конца деревни.

– Там амбары с зерном! – произнес он настолько властно, словно не разбойник, а правитель всей страны. – Накормить коней и набрать в запас!

Один из его разбойников крикнул угодливо:

– Все сделаем! Амбар потом сжечь?

Вожак сказал грозно:

– Дурак?... Лучше ощипывать жирных гусей, чем тощих!

– А мы еще сюда приедем?

– Здесь и обоснуемся, – заверил вожак.

Трое на полном скаку остановили разгоряченных коней у колодца, передний крикнул Ютланду:

– Эй, парень, убери свою клячу и быстро напои наших лошадок!

Ютланд покосился с неприязнью, но смолчал. Мир груб, нельзя на каждую грубость, как учил дядя Рокош, отвечать грубостью, иначе и сам станешь таким же, и мир огрубеет

еще больше.

Всадник возвысил голос:

– Эй, щенок!.. Ты оглох?

Второй заехал с другой стороны и замахнулся плетью. Ютланд выждал, когда кожаная полоска со свинцовым шариком на конце взметнется в воздух, перехватил в воздухе гибкую змейку и с силой дернул.

Всадник, не ожидавший отпора, выпустил рукоять из ладони, но петля во избежание потери наброшена на кисть, и его как ветром смахнуло с седла.

Ударившись о землю, не подхватился, а остался лежать в дорожной пыли, тараща в изумлении глаза и кривясь от боли.

Остальные тоже опешили, как это так, взрослые мужчины разбежались, в панике запираясь в домах, а мальчишка совсем рехнулся.

– Выпороть дурака! – крикнул вожак люто. – Чтоб неповадно!..

Ютланд сказал уже зло:

– Уходите!.. И я вас не трону.

Вожак расхохотался.

– Такого я еще не слышал!.. И хорошенько выпороть!.. Пусть те, кто сейчас смотрит в щели между ставнями, видят, как учат вежливости их деревенского героя.

Несколько всадников, взяв в руки плети, с веселыми смешками начали брать сумасшедшего мальчишку в круг.

Ютланд вздохнул.

Первого же, который замахнулся плетью, ухватил за руку и швырнул от колодца через всю широкую улицу. Тело ударилось о стену бревенчатого дома, с крыши посыпалась труха.

Оторопели только на мгновение, но тут же с дикими криками набросились со всех сторон. Плети поспешно совали за пояса, выдергивали из ножен мечи, доставали топоры, но этих мгновений Ютланду хватило, чтобы широким взмахом снести с седел сразу троих.

Алац, входя в азарт, стоптал ближайшего коня вместе со всадником, Ютланд уклонился от удара топором самого резвого, взмахнул рукой, несчастный от затрешины вылетел из седла уже со сломанной шеей, перелетел улицу и забор, исчез там в огороде.

Когда их осталось четверо, Ютланд уже успел ощутить нарастание красной ярости, люто и с наслаждением ударил ближайшего снизу кулаком в подбородок. Услыхал хруст костей, тело подбросило, а там рухнуло на крышу дома возле дымовой трубы.

Последние трое охнули и попятились, но Ютланд, уже не готовый так сразу остановиться, догнал и разmozжил им головы. Еще один между домами пытался поймать коня, но тот испугался и со ржанием удирал от хозяина, а разбойник выскочил на улицу и почти наткнулся на Ютланда, шарахнулся, упал на спину и смотрел в диком ужасе.

Чувствуя, как ярость перестала нарастать, даже чуть схлынула, Ютланд сказал страшным голосом:

– А ты не знал, что грабить нехорошо?

– Теперь знаю, – вскрикнул разбойник. – На всю жизнь запомню... и детям скажу!

– У тебя дети?

– Дети сестры, – сказал разбойник умоляюще, – они как мои!..

Ютланд вздохнул глубоко, красная пелена ушла с глаз, он произнес холодно и отстраненно:

– Тебя спасли дети сестры. Езжай к ним и заботься.

Алац подошел сзади и жаркодохнул в шею, едва не опалив ее до волдырей. Хорт обежал всю площадь вокруг колодца, понюхал убитых, кое-где украдкой лизнул кровь, а на Ютланда посмотрел с укором: мы же все трое взрослые, но вы уже деретесь, а почему все еще нельзя мне?

Не объясняя, коню и хорту должно быть достаточно «нельзя», он поднялся в седло, сумка с припасами на месте, и, провожаемый испуганными взглядами через щели между ставен, пустил коня по дороге из села.

В Новых Землях еще нет закона, потому власть у тех, у кого оружие. Но и этого недостаточно, один с оружием не выстоит против даже малого отряда, потому такие вот сбиваются в группы и бродят по вырастающим, как грибы, селам, собирая дань, хватая молодых женщин, бесчинствуя и выказывая друг перед другом силу, наглость и жестокость.

Глава 7

Городок по дороге показался похожим на все остальные, пусть даже у тех стены деревянные, а некоторые вообще чашекол, а здесь из настоящего камня, хоть и невысокая, только как защита от скота и лесных зверей ночью, человеку же перебраться ничего не стоит.

Он въехал в распахнутые ворота постоялого двора, устроил коня и велел хорту за ним присматривать, а сам медленно переступил порог харчевного зала.

Народ не столько харчуетея, как пьет, Ютланд никак не мог понять этой странной забавы, когда и без того слабый мозг стараются одурманить еще больше, но в мире много такого, что пока не понимает, все придет, как обещали взрослые, все когда-то поймет, причем поймет с легкостью, не напрягаясь, понимание придет само, как обещал дядя Рокош...

Он шел по залу, выбирая свободное место почище, от одного стола крупный мужик помахал рукой.

– Артанин?.. Иди садись.

Ютланд опустился на другую сторону стола, мужик окинул его гордую статью внимательным взглядом.

– Да, настоящий артанин... Ищешь подвиги?

– Можно сказать и так, – ответил Ютланд.

Мужик сделал слуге знак приблизиться, а Ютланду сказал с неодобрением:

– Артане, куявы, славы, вантыйцы... Какие же все за-
чем-то разные!.. Хотя на самом деле один народ.

– Один? – переспросил Ютланд. – Мы разные!

– Один, – заверил мужик. – Меня зовут Герт. Я, как и ты, бродяга. Только ты бродишь первый год, а то и месяц, а я третий десяток лет, ха-ха!.. Но все еще интересно, сколько нового, необычного... Для дальних народов вы все, артане, куявы и прочие – один народ, что постоянно дерется друг с другом. И все потому, что вас слишком много. Было бы мало, держались бы друг за друга.

Слуга остановился перед их столом и ждал с самым равнодушным видом. В харчевном зале гости о чем только не говорят, голова лопнет, если слушать всех жрущих и пьющих придурков.

Герт продиктовал насчет еды на двоих, Ютланд подивился, насколько тот точно угадал его вкусы, хотя вообще-то ему годится все, а себе Герд заказал кувшин вина и две чаши.

– Мы разные, – возразил Ютланд. – Мы не можем держаться друг за друга. Например, артане нападают только спереди и никогда не бьют в спину.

Он сказал с той простотой, что исключает иное толкование, но Герт посмотрел на него смеющимися прищуренными глазами и тут же возразил:

– А вантыйцы откуда удобнее и когда удобнее. Потому Вантит всегда побеждает!

Он вытащил из-за пояса нож, а пока разделывал мясо, Ют-

ланд проговорил с неудовольствием:

– Вантит труслив и войны избегает. Он не готов на жертвы, на сражения, на героизм мужчин и терпение женщин. А когда подступают чужие войска, трусливо откупается золотом.

Некоторое время ел молча, наконец Герт сдвинул плечами и проговорил с набитым ртом:

– Но Вантит стоит и цветет, а Куявия и Артания, насколько я понял, в руинах.

– Артания и Куявия, – ответил Ютланд сердито, – через несколько лет отстроят города еще краше, дворцы еще величественнее! А вантйцы будут жить в том, что построили далекие предки. Жизнь требует обновления!

– Обновляться можно, – заметил Герт, – не сжигая все сделанное ранее дотла.

– Правда? – спросил Ютланд. – Как? Сжигая самим?.. Войны между своими?

Он чувствовал, что сердце начинает стучать чаще, а сам он злится без всякого повода, ощутил это и Герт, сказал примирительно:

– Общего рецепта нет... Ищут. Ты вот тоже в поиске, парень, я же вижу. Хотя межклановые войны тебя не волнуют. Тем более между странами.

– В поиске? – переспросил Ютланд. – Каком поиске? Герт прожевал, вздохнул.

– Не знаю. Но все люди в поиске. Молодые особенно.

Одни ищут женщин, другие славы, третьи подвигов... Что ищешь ты?

– Себя, – ответил Ютланд.

Герт покачал головой, продолжая рассматривать его с еще большим интересом.

– Такое бывает редко. И как получается?

Ютланд сдвинул плечами.

– Пока не очень. Себя найти труднее.

– Это верно, – согласился Герт. Он налил в обе чаши вина, жестом пригласил Ютланда отведать. – Проще найти других. Тех находить проще, верно?

– Смотря кого, – ответил Ютланд. Он отпил из чаши, вино слабое, сладковатое, виноградный сок еще не весь превратился в кисловатое пойло.

– А кого ты искал, но не нашел?

Ютланд покосился на него с неудовольствием, мелькнула мысль взять за шею и ударить лбом в столешницу, толстая дубовая доска выдержит, а дураку будет наука, но тут же мелькнула мысль, что так придется перебить всех людей на свете, они все любопытные и назойливые, а если такие все, то это не они ему не подходят, а он им.

– Родителей, – ответил он замедленно. – Думаю, я не один такой.

– Не один, – согласился Герт. – Кто-то теряется в войнах, кто-то от болезней, кто-то не возвращается из странствий, кто-то вовсе уходит из семьи... У тебя какой вариант?

Он осушил чашу до дна и тут же налил снова, Ютланд сделал пару глотков из своей, сдвинул плечами.

– Думаю, отец мой жив. Но где он, не знаю.

– А он о тебе знает?.. А то, бывает, где-то в странствиях, а жена рождает одного за другим.

– Знает, – сообщил Ютланд. – Но не объявляется.

– Ты его чем-то обидел? – спросил Герт. – Для тебя это в диковинку, но родители тоже обижаются на детей, хотя тем кажется, что родители все должны терпеть и все прощать. Бывает, не прощают.

Ютланд подумал, вино чуточку туманит мозг, ответил со вздохом:

– Думаю, не тот случай.

– А какой?

– Не знаю. Какая-то тайна... Но чтобы разгадать, нужно за что-то ухватиться. Хоть за ниточку. Но ее нет.

– Есть, – заверил Герт. – Просто ты ее не видишь. Подумай, поройся в себе.

– Я хочу узнать о всаднике на черном коне, – сказал Ютланд, – что скачет по ночам на огромном черном коне в сопровождении хорта с багровыми глазами! Ты что-то можешь сказать о нем, многостранствующий?

Герт покачал головой.

– Слышал, но мало. А сказать тебе может разве что Моргун, он живет не так уж далеко отсюда, но вон там в горах, и добраться до него непросто. Люди ему за сотни лет жизни

надоели, понимаешь ли...

Ютланд буркнул:

– Понимаю. Я их вижу всего восемнадцать лет, но уже надоели.

Алаца и хорта пришлось оставить у подножья горы, слишком крутые стены, острые камни и мелкие выступы, за которые едва удастся уцепиться.

Правда, когда перебрался на ту сторону гребня, увидел среди высоких остроконечных скал немало деревьев с пышно раскинутыми кронами, а когда спустился, некоторое время шел через заросли зеленых кустарников, некоторые еще в цвету, мельтешат цветными крылышками мотыльки, жужжат пчелы, но дальше снова стены неопрятных древних гор, все растрескались и зияют глубокими щелями.

Он уловил из одной неприятный запах, остановился, осматриваясь и вслушиваясь, но везде тихо, вошел в темный проход медленными осторожными шагами.

Гора внутри изъедена, как дупло старого дерева, глубокими кавернами, что переходят одна в другую, со свода смотрят каменные сосульки, а с пола навстречу вздымаются такие же, и все это настолько похоже на пасть с оскаленными зубами, что только зябко повел плечами и крепче сжал древно-го топора.

Издали донесся тяжелый надсадный скрип, словно по каменному полу кто-то сдвинул валун размером со скалу. Вы-

ждав с минуту, он начал продвигаться дальше, но скрип повторился, на этот раз уже ближе и громче.

Он остановился, чуть пригнувшись и готовый к бою. Снова ничего, только в тишине стало как-то не по себе, потому начал медленно продвигаться вперед, и сразу запах давно немытого тела стал отчетливее, еще отчетливее...

– Эй, – сказал он громко, – ты стоишь за вот тем выступом, это далеко, но вонь от твоей шкуры отравила даже траву вокруг горы. Выходи!

Не дождавшись ответа, он поднял увесистый камень размером с голову быка, примерился, метнул выше и чуть левее. Валун ударился в стену, отскочил, исчез за выступом скалы, а оттуда донесся болезненный стон.

Через мгновение из-за скалы вышел див выше Ютланда вдвое и втрое толще, весь в шкурах убитых зверей, голова как пивной котел артан, а в обеих лапах по исполинской каменной дубине.

– Мальчишка, – проревел он с изумлением, – ты метко бросаешь камни!.. Сумел бы поднять камень втрое больше, мог бы разбить мне голову... А так я тебе ее разобью... а потом съем.

– Голову?

– Всего, – прорычал див, – хотя ты маловат и тощий какой-то...

– Другие были толще?

Див прогрохотал довольно:

– Заметил?.. Да, те черепа остались от тех героев, что заходили до тебя...

– Моего черепа здесь не будет, – проговорил Ютланд холодно. – А твой мне как-то без надобности.

– Ты не похож на героя, – рыкнул див.

– Это хорошо, – ответил Ютланд. – Пусть тебя убьет не герой.

Див подошел ближе, взмахнул обеими дубинами. Двигался он достаточно быстро и ловко, но размеры все равно размеры, сила за счет ловкости, Ютланд легко ушел от удара, забежал за спину и с силой рубанул дива топором по ноге под коленом.

Над головой прогремел дикий рев, полный недоумения и боли. Див развернулся и с силой обрушил удар дубины на то место, откуда быстро отскочил Ютланд.

Брызнули осколки раздробленного в щебень камня, див рыкнул:

– Теперь я тебя разорву...

– Ну-ну, – ответил Ютланд недобро, – расскажи как...

Див с ревом бил дубинами, Ютланд едва успевал увертываться. Див хромает, но кровоточащая рана всего лишь рана, если Ютланд надеялся отрубить ему ногу, то див был уверен, что его толстая кожа выстоит перед любым лезвием.

Отпрыгивая и отскакивая, Ютланд выбрал момент, в кувырке приблизился почти вплотную, вскочил и с силой рубанул дива снова по той же ноге, почти попав острым лезви-

ем в ту же кровоточащую щель под коленом.

Див страшно взревел, пошатнулся и, не удержавшись на ногах, тяжело рухнул на раненое колено.

Ютланд отпрыгнул, сказал зло:

– Ну что, толстолобый?.. Не по зубам?

– Я тебя, – прорычал див, – все равно... разорву...

– Дурак, – сказал Ютланд с отвращением. – Я оставлю тебя в покое, если скажешь насчет черного всадника на черном коне, что скачет по ночам в сопровождении черного хорта с красными глазами. Если ты жил долго, должен хоть раз о нем услышать...

– Разорву и сожру, – прохрипел див. Он с трудом поднялся, держась одной рукой за стену, другой крепче сжал дубину. – Мелкая тварь...

– Говори, – предложил Ютланд. – А лапа заживет. На тебе же, как на собаке, да?

– Разорву... на части...

– Слышал, – сказал Ютланд, – или не слышал?

– И... сожру...

Он замахнулся дубиной, Ютланд наблюдал за его рукой, отпрыгнул. Дубина с треском сшибла верхушку скалы, разбрызгав камешки, словно капли воды с высокой волны.

– Дурак, – сказал Ютланд уже со злостью, – тебя же вежливо спрашивают!

Див молча замахнулся и ударил снова. Ютланд отскочил, на миг укрылся за стеной из камня.

– Не зря вас, дураков, истребляют!

Див взревел и начал методично наносить удар за ударом по скале. Она пошла трещинами. Начала рассыпаться, но Ютланд успел выскочить раньше и, забежав за спину дива, с силой рубанул топором по здоровой ноге.

– Получи!

Див с диким ревом, полным страха и боли, завалился на спину. Земля вздрогнула, а Ютланд с усилием поднял с земли обеими руками огромный валун размером с быка.

– Этот больше, чем втрое?

Див не успел ответить, только начал поднимать лапу, пытаясь закрыться, как Ютланд с силой обрушил камень вниз.

Рука треснула, как сухая ветка дерева, а череп разломился и просел под тяжестью огромного валуна.

Во все стороны брызнула густая липкая кровь.

– А твой череп мне как-то без надобности, – повторил Ютланд.

Дыхание все еще рвется из груди с надсадными хрипами, в глазах кровавая пелена, но ощутил ликование, удержался, не впал в то сладостное безумие, когда ничего не помнит, а потом в недоумении смотрит по сторонам, видя вокруг трупы в лужах крови и чудовищные руины.

Глава 8

Он уже повернулся идти обратно, на душе паскудно, по-иски всадника на черном коне не просто затормозились, все на том же месте, и даже непонятно, где искать следы...

За спиной далеко-далеко раздался слабый крик, вроде бы женский. Он остановился, прислушиваясь, крик повторился.

Еще не желая вмешиваться и вообще что-то делать, он развернулся и побежал в ту сторону, лишь через минуту сообразив, что это в нем заговорила человеческая черта бросаться на помощь другому человеку, тем люди и сильны, как говорил дядя Рокош...

Он перепрыгнул загораживающий дорогу каменный гребень, из зарослей в сотне шагов впереди выскочила женщина с обезумевшим от ужаса лицом. За ней, тяжело топая толстыми широкими ступнями, гонится огромный див в два человеческих роста и вдесятеро тяжелее.

Ютланд крикнул:

– Давай сюда!.. Побыстрее!.. Здесь щели...

Женщина неслась к нему с такой скоростью, что расстояние между нею и дивом начало увеличиваться, однако на полдороге к Ютланду вдруг вскрикнула, стала короче, ноги до колен оказались в песке, тут же осела в нем до пояса.

Зыбучий песок, подумал Ютланд. Эта дура, если живет где-то вблизи, должна бы знать, но страх даже людей лишает

рассудка, не только женщин.

– Раскинь руки, – крикнул Ютланд, – и не дергайся!

Он побежал навстречу, а див первым добежал до места с зыбучим песком, остановился, даже не пробуя в него войти, только ноздри широкого приплюснутого носа мощно раздуваются и схлопываются, будто по запаху определяет размер участка с предательским песком и его глубину.

– Стой, – прокричал ему Ютланд, – это человек из моей стаи!.. Отступись.

Див взглянул на него из-под нависающих скальных выступов над глазами, в узких щелях глаза налились темной кровью.

– Хорошо, – проревел он.

– Тогда уходи, – велел Ютланд.

Он быстро сломил большую ветку с ближайшего дерева и швырнул женщине.

– Лови!

Див повторил:

– Хорошо... На обед будут двое...

– На мне зубы обломаешь, – ответил Ютланд. – Если я их сам тебе не выбью раньше.

Ветка накрыла женщину с головой, дура завизжала в ужасе, но как-то сумела ухватиться, обрывая листья, а Ютланд повернулся к диву, тот осторожно начал обходить яму, приближаясь к дерзкому человечiku.

– Брось, – сказал Ютланд. – Поищи добычу в другом ме-

сте.

– Это... моя... добыча...

– Надо было раньше, – отрезал Ютланд. – Я бы слова не сказал! Но если увидел и успел, то обязан защищать, хотя мне это и не очень хочется.

– Тогда беги, – прорычал див, – букашечка...

– Сам беги, – ответил Ютланд, – хотя можешь отступить, не теряя достоинства. Я сделаю вид, что не заметил.

Сказал и ощутил, что брякнул глупость, откуда у дивов достоинство, в большинстве это грубые животные, не все даже говорить умеют, а этот именно из таких, полужверь-получеловек, а при таких огромных размерах и чудовищной силе зачем мозги.

Женщина начала вылезать по ветке с таким трудом, словно из ямы с липкой глиной, уже показались плечи, а затем и выдвинулась грудь, легла поверх песка, широкая, как две тарелки, див на ходу пинком сбросил толстый край ветки в яму, женщина закричала в ужасе и отчаянии.

– Дурак, – сказал Ютланд, – ты же так лишаешь себя обеда!

Див посмотрел на него озадаченно, оглянулся на женщину. Ютланд поискал взглядом под ногами что-нибудь тяжелое, топором рисковать не стал, подобрал камень размером с голову младенца.

Женщина с диким визгом продолжает цепляться за ветку, а та медленно уходит в зыбучий песок, исчезает, а эта дура,

барахтаясь бесцельно и стараясь выскочить, будто умеет летать, сама же погружает себя в яму.

Камень из руки Ютланда вылетел, шурша в воздухе, как воробей крыльями. Див дернулся, получив удар в лоб, взревел от боли и обиды, пошел на Ютланда, набычившись и держа его взглядом.

Ютланд отбежал на другую сторону ямы, подпрыгнул и с хрустом отломил ветку побольше. За спиной грозный топот приближающегося дива, пришлось ветку поспешно швырнуть издали, снова она накрыла женщину с головой, а Ютланд, увернувшись от длинных лап дива, забежал со спины и, выхватив топор, закричал:

– Уходи!.. Иначе убью!

Див бросился с ужасающим ревом. Ютланд отступил, быстро ударил топором. Див успел отдернуть лапу, но острый кончик лезвия все же достал, див взревел в ужасе и непонимании, а на землю упал кончик пальца, толщиной с древно топора.

– Уходи, – повторил Ютланд. – Я сам не понимаю, почему такой добрый... потому уходи быстрее!

За спиной то нарастает, то чуть спадает непрерывный отвратительный и режущий слух женский визг. Див в раздражении оглянулся в ту сторону, Ютланду показалось, что по широкой морде пробежала гримаса отвращения.

– Бегал бы быстрее, – сказал Ютланд с укором, – уже жрал бы давно! И никто бы тебе не мешал!

– Я и тебя, – прыгнул див люто, – и тебя...

Женщина с великим трудом продолжает вытягивать себя по ветке, див оглянулся на нее и даже сделал шаг в ту сторону, Ютланд сказал предостерегающе:

– Но-но!.. Даже не думай.

Див тяжелыми шагами пошел на него, впериw злой взгляд в наглого человечка. Ютланд крепче сжал рукоять топора, вздохнул пару раз. Диву оставалось два шага, когда Ютланд метнулся навстречу, подпрыгнул.

Лезвие топора блеснуло холодно и страшно. Див только успел отдернуть голову, однако острый металл с силой врубился в толстую кость возле уха.

Могучая лапа успела зацепить Ютланда, он упал, оставив топор торчать в голове дива, перекатился через голову и поспешно вскочил, тут же со стороны женщины раздался пронзительный вопль:

– А-а-а!.. Она меня съест!..

Он отпрыгнул, не успел увидеть чем пахнуло сзади, а на то место, где мгновение тому стоял, обрушилось нечто тяжелое. Земля вздрогнула под ударом массивного тела, а он перекатился через голову и вскочил, растопылив руки и готовый к схватке.

Див медленно опускается на подгибающихся ногах, лапы бессильно царапают по стальному лезвию, наполовину погружившемуся в череп, а рядом с ним прижался к земле, готовясь к новому прыжку, огромный зверь, похожий на испо-

линскую ящерицу, только крупнее самого рослого из людей и весом не меньше, чем у дикого быка.

Он не сводил взгляда с Ютланда, глаза сощурились. Ютланд поймал момент, когда он прыгнет, торопливо отшатнулся, чудовище пролетело мимо, обдав его запахом болота.

Он успел ухватить за кончик хвоста, тонкий и усаженный шипами, дернул на себя и, уклоняясь от распахнутых челюстей с острыми зубами, откинулся всем корпусом назад, тут же с силой раскрутил зверя вокруг себя, как толстую длинную жердь.

Мелькнула мысль зашвырнуть как можно дальше, но взгляд поймал скалу шагах в десяти, с трудом приблизился, продолжая вращать вокруг себя разъяренную тяжелую рептилию. Еще шаг, и со всего размаху шарахнул ее головой о каменный край.

Раздался треск, не поверил глазам, камень разлетелся на мелкие кусочки, но и голова рептилии окрасилась кровью, струйки брызнули даже из широких ноздрей.

Он выпустил хвост из рук, рептилия рухнула на каменную землю, забилась в конвульсиях там же у подножья. На всякий случай прыгнул сверху, ухватил за голову, ощущение такое, что держит камень, напрягся, чувствуя холодную ярость.

Под ним послышался хруст шейных позвонков, и чудовищная голова повисла в его руках.

Тяжело дыша, он поднялся, отряхнул ладони. Рептилия еще скребет лапами, но голову от земли уже не поднимает,

а немигающие глаза за прозрачной пленкой медленно тускнеют.

– Ну, – сказал он, все еще тяжело дыша, – тебя о всаднике на черном коне спрашивать бесполезно, да?

Ящерица ничего не сказала даже в смертный час, лапы дернулись и вытянулись, царапая камень острыми когтями.

Он оглянулся, вдруг да женщина сможет ответить, но ее и след простыл, пусть мужчины дерутся без зрителей.

– Вот такие они все, – выдохнул он с горечью, – за них дерешься, а они...

Но тут же придержал себя, дядя Рокош предостерегал против обобщений, дескать, из-за них молодые воины чаще всего делают ошибки.

С другой стороны, все как нельзя лучше, что убежала, а то бы пришлось заботиться, пока не доставил бы до людей ее племени. Всех женщин мира нужно оберегать, это обязанность каждого мужчины, так говорят все, хотя пока еще непонятно зачем.

Он отряхнул ладони, с усилием выдернул застрявшее в черепе дива стальное лезвие топора, тщательно вытер и направился в сторону, противоположную той, где за грядой скал оставил Алаца и хорта.

В какой-то момент ощутил, как из горла начинает тихонько протискиваться глухое рычание, а кожа пошла мелкими пупырышками. С запозданием почувствовал, что за ним кто-то наблюдает очень внимательно. И хотя особой вражды не

ощутил, но все равно покрепче сжал рукоять топора и бросил по сторонам осторожный взгляд, готовый к новой схватке.

Когда проходил мимо толстого дерева с раскидистой кроной, оттуда почти с самой верхушки донесся негромкий голос:

– Ютланд... я не враг, не спеши хвататься за топор. Позволь мне спуститься?

Ютланд сказал с настороженностью:

– Ты кто?

– Не враг, – ответил голос. – Я спускаюсь?

– Позволяю, – буркнул Ютланд.

На всякий случай отступил на пару шагов, если кто и соскочит, то не на голову. Слышно было, как некто перепрыгивает с ветки на ветку, нарочито раскачивая ее и заставляя скрипеть, чтобы Ютланд не чувствовал особой угрозы нападения, наконец на нижней ветке, толстой, как бедро взрослого мужчины, появилась фигурка подростка.

Он легко соскочил на землю, но теперь выглядит не подростком, а скорее стариком в теле подростка. Ютланду показалось нечто настораживающее в движениях и даже в проницательном взгляде, подростки так не смотрят.

Он наблюдал за незнакомцем исподлобья, перебрасывая топор из руки в руку, хватка цепкая, каждое движение говорит, что пользоваться умеет и колебаться не станет.

– Я не враг, – повторил соскочивший с дерева, – даже хо-

тел бы стать другом, но как им стать для бури или грозы?.. В общем, Ютланд, ты можешь оказать своему миру услугу.

Ютланд буркнул:

– Зачем это мне?

Незнакомец усмехнулся.

– Хороший вопрос. Но кажется, это может оказаться важным... или хотя бы нужным и тебе.

– Не говори загадками, – сказал Ютланд резко. – Что случилось?

– Из подземного мира сумел сбежать Автардал, – ответил незнакомец и прямо посмотрел Ютланду в глаза. – Он близко, отправился в Велесоград, это совсем рядом. О, вижу, ты не дрогнул... То, что я и ожидал. Или потому, что не знаешь, кто таков Автардал?

Ютланд ответил хмуро:

– А должен знать?

– Он натворит здесь много бед, – сказал незнакомец, игнорируя прямой вопрос. – Искусный интриган, умелый полководец, а за годы пребывания в подземном мире научился колдовству и злой магии. Здесь такое начнется...

Ютланд сдвинул плечами.

– А мне что?.. Пусть начинается.

Незнакомец продолжал смотреть ему в глаза неотрывно, словно старался передать что-то еще взглядом, наконец проговорил:

– Если дела людей тебя не слишком волнуют, то подумай

о том, как к побегу отнеслись в подземном мире... и как отнесутся к тому человеку, кто вернет беглеца обратно.

Ютланд скривился.

— Кому-то надо, чтобы я тащил его в подземное царство?

— Это не обязательно, — ответил незнакомец. — Достаточно вытащить из дворца и города, чтобы никто не увидел, как... он исчезнет из этого мира. Никто не должен такое видеть.

Ютланд нахмурился и хотел было отказаться еще резче, но незнакомец, словно читая его мысли, покачал головой, дескать, подумай, парень. Ты уже не мальчишка, теперь обязан еще и думать сам.

— Все-таки неясно, — сказал Ютланд. — А почему это должно быть выгодно мне?

Незнакомец зачем-то отступил на два шага, выпрямился и вскинул руки над головой.

— Подумай, — ответил он. — Поймешь.

Руки расширились, превращаясь в черные, зловещего вида крылья. Он повернул их и резко опустил, с силой ударив по воздуху. Его подбросило, он, быстро превращаясь в огромного черного ворона и часто взмахивая крыльями, ушел в синеву неба со скоростью стрелы, выпущенной из мощного лука, а там растворился в нещадном солнечном блеске.

Ютланд некоторое время неотрывно смотрел в ту сторону, стараясь удержать мелькнувшую мысль. Возможно, не зря перебирался через скалы в поисках Моргуна.

Кто бы ни был этот незнакомец, он, похоже, как-то связан с подземным миром. А то и сам оттуда. Либо же просто держит с ним связь, хотя поговаривают, что все вороны могут посещать мир мертвых, когда пожелают.

На какое-то время сумел выбросить мысль об этом беглеце из подземного мира, потом подумал и повернул идею тем боком, что если отыщет и вернет обратно, Темный Бог, властелин подземного мира, заинтересуется тем, кто сумел отыскать и вернуть, что ли...

– А почему нет? – пробормотал он. – Алац!.. Хорт!.. Вы уже там отдохнули, две морды, сейчас я вас заставлю прогуляться до Велесограда...

Глава 9

Всего два десятка верст до Велесограда, Алац домчался за миг, а хорт, как обычно, первым проскочил в городские ворота, а там, малость побегав, сообщил, что чует, где постоялый двор, и готов их туда отвести всего лишь за хороший кусок мяса со сладкими косточками.

Комнату на постоялом дворе Ютланд заказывать не стал, вдруг да все решится быстро, Алаца оставил у коновязи, а хорт побежал за ним в трапезную комнату.

В помещении с низким потолком чадно и пахнет вином, за столами мужчины больше пьют, чем едят, громко и шумно разговаривают, хлопают друг друга по спинам и зычно хохочут, показывая всем, какие они огромные и страшные.

Трактирщик из-за стойки взглянул на Ютланда с вопросом в глазах.

– Мальчик, ты родителей ищешь?

– Точно, – ответил Ютланд. – Но вы вряд ли можете... Мне каши с мясом.

Трактирщик посмотрел на него с интересом.

– Вина кувшин? Или только в кубке?

Ютланд покачал головой.

– Не нужно.

Трактирщик взглянул с насмешкой.

– Мужчина отказывается от вина?

– Отказываюсь, – ответил Ютланд и взглянул на него прямо. – А что?

Трактирщик поспешно отвел взгляд от вспыхнувших недобрым огнем глаз.

– Да так, – ответил он с торопливостью, – все пьют...

– Я не все, – отрубил Ютланд.

Собравшись с духом, трактирщик поинтересовался:

– Платить есть чем?

Ютланд молча положил серебряную монетку. Трактирщик кивнул женщине за спиной, та метнулась на кухню.

Когда Ютланд устроился за свободным столом, а хорт разлегся внизу, из кухни уже другая женщина, молодая и с пышной фигурой, принесла большую миску с гречневой кашей и большим куском жареного мяса, улыбнулась хмурому черноволосому парню.

– Приятного аппетита!

– Спасибо, – ответил он, стараясь не смотреть на откровенный вырез ее платья, там белые нежные полушария просятся на свободу. – Спасибо, выглядит вкусно.

– И не только выглядит, – сообщила она кокетливо, – сама готовила... Ой, какая у тебя большая собака! Только худая...

Она с вызывающей улыбкой погладила себя по крутому крупу, Ютланд ответил вежливо:

– Видели бы вы ее совсем недавно... Да, хорошо приготовлено.

– Я старалась, – сказала она и, не дождавшись от него сло-

ва, нехотя удалилась в сторону кухни.

Ютланд ел быстро, насчет хорошо приготовлено сказал потому, что так все говорят, когда нужно сказать приятное, на самом деле сырое мясо с кровью ничуть не хуже, а когда догонишь зверя, прыгнешь ему на хребет и вопьешься зубами в горло, так вообще лучше не бывает...

За соседним столом двое мужиков закончили трапезу, служанка принесла им две глиняные кружки и кувшин с вином, сама налила обоим и удалилась.

Один из мужиков, что постарше, сказал тихим голосом и пригибая голову:

– Автардал вернулся...

– Слышал...

– Что будет, что будет?..

– А уже все кончилось, – ответил сосед по столу.

– Кончилось? – переспросил мужик. – Что ты понимаешь...

– А что? – возразил его сосед, с виду молодой и задиристый. – Автардал захватил город, никого не убив и почти не покалечив. Теперь правит он. Никто и не пытается спорить.

– Это понятно, – сказал старший. – Но он не будет сидеть на месте, пить-есть и девок портить!.. Начнет войну с соседями... А это значит, загребет и нас... А я только-только ощутил, как это здорово, когда меч поменяешь на топор и пилу плотника.

– Я уже успел жену завести, – сказал его молодой напар-

ник, – и двух детишек!.. Не хотелось бы возвращаться в войско. Хотя кто знает? Может, и не придется.

Он покосился на внимательно слушающего Ютланда, умолк, его приятель нахмурился, Ютланд сказал поспешно:

– Я издалека, целую неделю людей не видел! Что-то случилось, все на улицах собираются в кучки, а спорят чуть не до драки?

Мужики переглянулись, старший вздохнул и промолчал, второй ответил несколько озадаченно:

– Да так, в городе слухи, слухи... Бывший правитель города, что погиб несколько лет назад в дальнем походе, вернулся живым и невредимым.

– Говорит, не погибал, – вставил старший.

– Да, – согласился его соратник. – Вроде бы все эти годы пролежал между жизнью и смертью раненым в лесной избушке. Лечили и выхаживали добрые крестьяне, хотя как-то все странно.

Они замолчали и разлили по кружкам остатки вина из кувшина. Ютланд сказал вежливо:

– Давно бы послал кого-то во дворец, там лекари получше.

Первый мужик сделал глоток вина, отер рот тыльной стороной ладони. Лицо его оставалось озадаченным.

– Вот-вот... Но сейчас вот вернулся и сразу все показал.

Он хмыкнул, умолк, его молодой друг пояснил:

– Силу показал. Его же при входе во дворец попыталась задержать стража Миделя, нового правителя, но четве-

ро остались на полу со сломанными руками, пятеро отделались легче, но никто не рискнул подниматься с залитых их кровью ступеней, пока он не взошел наверх и не распахнул пинком позолоченные двери.

– Он настолько силен? – уточнил Ютланд.

– Он и был силен, – сказал старший мужик мрачно, – но теперь вообще откуда в нем такая сила?.. Правда, никого не убил! Сразу заявил всем, что не враг, а они были и остаются его солдатами. А когда сел на трон, провозгласил, что снова вступает в правление городом и прилегающими землями, а прежний наместник Мидель остается при нем советником и помощником.

Они отодвинули тарелки и разом поднялись, все-таки встревоженные, как заметил Ютланд. Никому не нравится то, что объяснить трудно, а то, что правитель несколько лет лежал в лесной хижине, выхаживаемый дровосеками, как-то слишком невероятно, чтобы вот так взять и поверить.

Оставив Алаца и хорта на постоялом дворе, он быстрыми шагами направился в сторону дворца, сверкающая под лучами солнца крыша видна издали.

К массивным воротам ведут широкие ступени из белого мрамора, внизу прохаживаются трое воинов в парадных доспехах. На Ютланда лишь покосились, но останавливать не стали.

Он взбежал по ступенькам, но у самых дверей еще двое, эти скрестили перед ним копья.

Он остановился, сказал с твердостью в голосе:

– Послание к Автардалу!

Один из стражей протянул руку.

– Давай.

– Передам сам, – отрезал Ютланд.

Страж взглянул на него насмешливо.

– Мальчик, таких гонцов с посланиями отправляют разве что к девкам. Но не к правителям.

– А кого к правителям? – спросил Ютланд.

– Настоящих, – сообщил страж. – Кто может доставить послание по опасным дорогам.

Ютланд ухватил его за грудь одной рукой, поднял так, что ноги повисли над полом.

– Я не настоящий?

Второй страж охнул, повернул копье тупым концом и хотел ударить Ютланда. Тот с силой швырнул в него соратника, оба столкнулись и с металлическим лязгом покатались вниз по ступенькам.

Ютланд пинком распахнул двери, одна из створок почему-то влетела в зал на самую середину. Он запоздало понял, что открывалась в эту сторону, ну да ладно, дядя Рокош говорил, что на мелочи жизни внимания обращать не стоит, на всех не хватит, зато пропустишь что-то важное.

В зале шарахнулись и прижались к стенам какие-то люди в богатых одеждах. Раздался крик, некоторые помчались прочь, подбирая полы халатов, еще несколько человек устре-

мились к выходу.

Он вошел, огляделся. Зал монументален с его колоннами, статуями в нишах и цветными коврами на полу.

– Мне нужен Автардал, – крикнул он громко. – Где он?

На него смотрели с непониманием и страхом, наконец один в пышном одеянии проговорил заикающимся голосом:

– Что ему передать?

Ютланд ответил резко:

– Это скажу ему лично!

– Но никто не может вот так...

Сверху раздался властный голос:

– У сильных свои правила. Пропустите юношу!

Ютланд поднял голову, на высокой галерее стоит, опираясь руками о перила и снисходительно поглядывая вниз, худой мужчина с длинным костистым лицом и очень острым взглядом.

Он не спускал с Ютланда взгляд, пока тот поднимался к нему по лестнице.

– Я Автардал, – ответил мужчина. – У тебя послание ко мне?

– Да, – ответил Ютланд.

Автардал чуть понизил голос и кивнул на дверь, из которой вышел на галерею.

– Заходи. Расскажешь.

Ютланду почудилось в голосе сбежавшего из подземного мира нечто затаенное, опасное, он переступил порог, гото-

вый отпрыгнуть в любой момент, быстро огляделся, стараясь не вертеть головой, что непристойно для взрослого мужчины, блюдущего достоинство.

Комната поменьше зала внизу, но богаче, стены отделаны золотом, мебель тоже в золоте. Желтый блеск, усиленный жарким огнем из светильников, бьет в глаза, в какую сторону ни взгляни.

Автардал гостеприимным жестом указал на роскошные кресла у стола, где на столешнице расставлены серебряные подносы, а на них роскошные яства, которым только на тцарских столах и место.

– Садись, угощайся... Долгий путь проделал?

Ютланд покачал головой.

– Нет, я местный. Просто попросили передать...

Автардал не сводил с него холодного взгляда немигающих глаз.

– Что передать?

– Чтобы ты вернулся, – произнес Ютланд ровным голосом, – откуда... ушел самовольно.

Автардал чуть наклонил голову, но продолжал рассматривать Ютланда так же упорно.

– Ты даже знаешь... откуда я ушел?

– Да, – сообщил Ютланд так же ровно, не двинув ни единым мускулом лица, – знаю.

Автардал покачал головой.

– Не понимаю... Почему такое поручили тебе?

– Не поручили, – уточнил Ютланд, – а попросили об услуге.

– Но ты же не оттуда?

– Я был как-то там, – ответил Ютланд. – По делу. Нужно было что-то, не помню. Сходил, узнал... Мне там очень не понравилось. Но мне и здесь многое не нравится. В этом мире... Я послание передал. Ты пойдешь?

Автардал покачал головой.

– Нет, конечно. Этот мир прекрасен, зря его не ценил. К тому же здесь я равен по мощи и величию тцару, который далеко от этих земель. У меня своя крепость и своя армия. Потому никуда не пойду, мальчик. Останусь править, как и правил. Разве что смогу еще лучше!

Ютланд ощутил, как в нем разгорается искорка гнева, но сразу же вызвал перед глазами облик Мелизенды, глубоко вздохнул и сказал ровным голосом:

– Со мной ты пойдешь.

Автардал смотрел на него с недоверием.

– Кем бы ты ни был, но ты... мальчишка!.. Меня не обмануть, тебе не больше шестнадцати.

– Восемнадцать, – уточнил Ютланд. – Я артанин, потому уже имею право носить оружие. И, главное, пользоваться им.

Автардал покачал головой, все еще не сводя с него безмерно удивленного взгляда.

– Как я вижу, ты даже уверен, что сможешь увести меня из моего дворца? Где полно стражи?

– Не уверен, – ответил Ютланд честно. – Возможно, придется доставить только твой труп. Думаю, это засчитают тоже.

Автардал сказал громко:

– Стража!

Из-за портьер выскочили крепкие мужчины в кожаных доспехах с полосками закаленного железа на груди и плечах, в руках мечи и короткие копья.

– Господин?

– Взять его, – велел Автардал. – Связать и приковать к стене. Если не получится... просто убейте. А тебе, парень, советую не противиться.

– Не противиться, – перепросил Ютланд, – когда станут убивать? Хороший совет. Добрый.

К нему с обеих сторон подступили стражи и крепко ухватили за руки. Автардал поощряюще улыбнулся.

– Так лучше. Теперь отвечай... Хотя нет, что-то мне твое выражение лица не нравится, а я человек осторожный. Прикуйте его к стене!

За спиной Ютланда в двух шагах из стены торчат металлические штыри, свисают цепи, ими легко удержать быка, но бык никогда не рвется в полную силу, останавливается, как только чувствует сопротивление...

Ютланд дал себя приковать, улыбка на лице Автардала стала не такой напряженной.

– Идите, – велел он стражам. – Позову, когда понадобится.

тесь.

Они удалились, Автардал сказал негромко:

– Не всем стоит знать подробности, не так ли?.. Так кто тебе рассказал такое? И ты сам пришел или тебя кто-то прислал?

Ютланд чуть попробовал натянуть цепи, они тревожно зазвенели, Автардал побледнел и отступил на шаг. Ютланд выдохнул, делая вид, что это было все, что смог, такие цепи никто не порвет, Автардал сказал чуть живее:

– Рассказывай, парнишка. Не жди, когда начнут жечь раскаленным железом и рвать из тебя мясо. Я не злой человек, но правители вынуждены прибегать к тем методам, которые сами не одобряют... в быту. Увы, правители всегда живут в военное время, хотя народ о нем и не подозревает.

– Скажу, – пообещал Ютланд, – а ты скажи сперва, как ты сумел освободиться?..

Автардал усмехнулся.

– Зачем тебе?

– Просто интересно, – ответил Ютланд. – Что ты теряешь? Я же все равно прикован.

Автардал смерил его недоверчивым взглядом, поколебался, наконец кивнул.

– Что-то в тебе тревожное, парень. Потому воздержусь. Вдруг спрятал что-то в рукаве, неведомое мне? Ты силен, уже знаю. А тот стражник вообще никогда не забудет.

Ютланд погромел цепями.

– Ты же видишь, есть у меня что-то или нет.

– Вижу, – ответил Автардал, – но я человек осторожный.

Потому рассказывай, кто тебе рассказал обо мне. И кто прислал? И что пообещал за такое непростое дело?

Ютланд покачал головой, Автардал вздохнул, крикнул:

– Стража!.. И захватите жаровню с углями!

Глава 10

Появились четверо воинов, один нес на вытянутых руках и откидывая назад от жара голову треножник с жаровней, там высится горка багровых углей, второй держит в охапке устрашающего вида клещи, крючки с длинными ручками, щипцы и ножи с зазубренными лезвиями, делавшими их похожими на пилы.

Автардал перехватил взгляд Ютланда.

– Ну как тебе?.. Может, сразу все расскажешь?

Ютланд пробормотал:

– Вижу, для тебя это привычно. И всегда под рукой наготове. Так что не зря тебе определили то, что определили.

Автардал велел воинам резко, заглушая голос Ютланда:

– Начинайте!..

Двое сунули в горку раскаленных углей щипцы и крюки, на Ютланда посматривают с равнодушием и той скукой, какая бывает на одинаковой работе, где ничего не меняется.

– Ты нехорошо поступаешь, – заметил Ютланд.

Автардал смерил его взглядом.

– Что-то не слышу страха в твоем голосе.

– Откуда страх? – спросил Ютланд. – Напротив, теперь тоже имею право поступить с тобой нехорошо.

– Что-что?

Ютланд сказал обстоятельно:

– Мне пытались объяснять, что такое хорошо и как поступать не следует, но все так сложно... Одно понял, кто со мной нехорошо, с тем и мне можно нехорошо.

Он напрягся, цепи натянулись, зазвенели, толстые звенья начали разгибаться. Автардал побледнел, торопливо отступил.

– Остановите его!.. Убейте!

Цепи со звоном лопнули. Ютланд взмахнул обеими руками, и двоих ближайших стражей смело, словно заботливая хозяйка смахнула веником забежавших в дом жуков.

Один из стражей с силой метнул дротик, Ютланд не стал уклоняться, перехватил на лету и тут же бросил обратно.

Острие пронзило грудь воина насквозь и пришилило к деревянной стене.

Автардал прокричал в панике:

– Убейте!

На Ютланда со всех сторон ринулись закованные в железо стражники. Стараясь не попасть под удар, он отступил к стене, бил в ответ так, чтобы нападавший уже не поднялся, Автардал ринулся в потайную дверь, Ютланд перехватить не успел, тот пробежал длинную вытянутую комнату насквозь, выскочил через массивную широкую дверь, которую смело можно называть воротами, и поспешно захлопнул за собой.

Слышно было, как загремел засов. Ютланд ощутил опасность, пригнулся. Над его головой с влажным стуком вонзились в толстое дерево двери два дротика, оба погрузились на

половину длинного острия.

Остановился, в приступе темной ярости смел троих набежавших с такой силой, что разбил их тела о стены, с разбегу грянулся в ворота. С той стороны затрещали гвозди, слышно было как на мраморный пол грохнулся сорванный засов.

Створки освобожденно распахнулись, Ютланд влетел в красочный зал внутренних покоев. Свет идет как от высоко-го свода, так и от стен, светильники укреплены через каждые два шага, на полу высокие вазы в рост человека, а на столах еще и масса мелких, очень дорогих, явно сделаны мастерами, глупость какая тратить на это время.

Он пробежал до середины, замедляя бег и осматриваясь, успел увидеть как вдали Автардал между двух колонн что-то потянул из стены на себя, и тут же в сторону Ютланда понеслась подвешенная на веревке глыба темного гранита.

Такая легко пробьет и крепостную стену, мелькнуло у него, он отшатнулся, пропустил мимо. Автардал моментально ухватил лук и выпустил одну за другой три стрелы.

Ютланд поймал все три, но удивился, с какой скоростью и силой Автардал это делает, не родился правителем, успел побывать очень умелым стрелком и хорошим воином.

Подхватив с пола брошенный в него дротик, он швырнул с силой в Автардала, тот успел метнуться в темную нишу, оттуда сразу же донесся его испуганный крик:

– Я сдаюсь!... Я сдаюсь!

– Сразу бы так, – проговорил Ютланд.

Он перешел на шаг, но все же приближался осторожно, мало ли какую хитрость задумала эта сволочь, сказал, что сдается, а сам сунет клинок под ребро...

В нише темно, он не стал даже заглядывать туда, сперва нащупал на стене и, не глядя, сорвал светильник, осторожно сунул огнем в темноту.

Челюсти сжались сами по себе. В каменном укрытии пусто, нет даже следов Автардала, если не считать, что остался неприятный запах чего-то ненастоящего, чем так любят украшать себя женщины.

– Автардал! – прокричал он страшным голосом. – Я все равно тебя найду!

Ответа не было, он вдвинулся в нишу, долго бесцельно ощупывал стены, везде сплошной камень, наконец со злостью ударил в низкий свод.

Он уже вышел было обратно, как за спиной чуть скрежетнул камень, задняя стена сдвинулась. Он поспешно протиснулся в открывшийся туннель, за спиной потайная дверь так же неторопливо встала на прежнее место.

Он постоял чуточку на месте, уже понимая, что и тут хитрый правитель мог настроить ловушек.

Яркое одеяние Автардала мелькнуло на той стороне коридора и скрылось за углом. Ютланд едва не ринулся следом, но в голове промелькнул несложный расчет, что пока он старался понять, как противник исчез из ниши, тот мог пробежать коридор втрое длиннее...

...а значит, сейчас просто заманивает, чтобы ринулся к нему, ни о чем не думая.

Красная пелена снова начала застилать взор, он торопливо затряс головой, но к красной пелене добавился еще и звон в ушах. Злой на себя, ринулся по коридору, увертываясь от выскакивающих из стен металлических штырей и копий, перепрыгивая внезапно появляющиеся ямы.

Только одна польза от этого состояния, когда впадает в бешенство и уже ничего потом не помнит: звериная чуткость предупреждает о ловушках, и та же звериная и более чем звериная ловкость помогает избежать их...

И все-таки он удержался, не впал в полное буйство, повторяя имя той принцессы с капризной мордочкой и пышными локонами цвета роскошного заката, и когда оказался на той стороне длинного туннеля, там в нише обнаружил забившегося в страхе Автардала.

– Как... ты... сумел? – пролепетал он.

Ютланд ухватил его за шиворот, огляделся. Длинный подземный ход заканчивается отвесной лестницей, а наверху пробивается солнечный свет.

– Надо было убегать, – прорычал Ютланд. – А ты остался посмотреть, что именно меня убьет?

Автардал, бледный как смерть, смотрел на него остановившимися глазами.

– Кто... ты?

– Пока не знаю, – ответил Ютланд.

Он поднялся наверх, держа беглеца все так же за шиворот, а когда вылез из глубокой норы и огляделся, снова покачал головой. Не только дворец, сам город остался по ту сторону высокой крепостной стены. Подземный ход хорош, в случае войны позволил бы выскользнуть незамеченными правителю, а то и всей дворцовой знати.

– Хорошо, – сказал Ютланд, – продумано.

Автардал зыркал по сторонам исподлобья злобно и затравленно, но вид все еще несломленный, Ютланд почти видел, как бешено разум вернувшегося из подземного мира правителя ищет лазейки, чтобы избежать возвращения обратно.

Он сам остановился и посмотрел по сторонам, еще не зная, возвращаться ли в город или же искать таинственного посланца из потустороннего мира.

В синем небе показалось быстро увеличивающееся черное пятнышко. Ютланд ждал, а ворон опустился в двух шагах на высокую корягу, каркнул звучно и зловеще.

– А как говорить, – сказал Ютланд, – уже забыл?

Ворон спрыгнул на землю, каркнул снова, начал вырастать в размерах и превратился в худого человека в черной неопрятной одежде.

– Спасибо, – сказал он сухо, – ты сделал нужное дело. Дальше я сам. Этот человек будет наказан.

Ютланд кивнул, повернулся и пошел вдоль городской стены в ту сторону, где были ворота.

Когда через минуту оглянулся, на том месте пусто, ворон и Автардал исчезли, словно там никого и не было.

Возможно, неизвестный в облике ворона в будущем как-то выкажет благодарность, хотя, скорее, тут же забудет. Но попытаться стоило. На миг мелькнула надежда, что в облике ворона мог появиться сам Властелин Преисподней, однако маловероятно: человек-ворон слишком сдержан, вежлив и даже учтив, а безумный бог Патута известен постоянной яростью, его бешенство все время ищет выхода, он злобен и неистов, его распознать легко в любом облике.

«Да вряд ли он его меняет, – подумал Ютланд. – Вот я бы ни за что не менял».

Хорт выбежал навстречу, только Алац сделал вид, что его больше интересует отборный овес в кормушке, но Ютланд видел, что и конь рад его возвращению.

В следующем городке в таверне о черном всаднике ничего не слыхали, кроме древних историй, которые уже знал, но совершенно неожиданно наткнулся на ниточку, ведущую к Осеннему Ветру, мужу Пореи Солнцерукой и своему отцу, хотя теперь и сам понимает, что жизнью, вообще-то, обязан властелину подземного мира, который в безумной ярости изнасиловал небесную деву.

Двое забулдыг указали на дом, где живет известный странствователь по дальним землям Синегуб из клана Лихое Братство. Сейчас, правда, залечивает раны, полученные

в сражениях с дивами Севера, но это ему не впервой, а новому человеку будет рад.

Ютланд захватил из таверны кувшин лучшего вина, вежливо постучал в дверь странствователя. По ту сторону послышались легкие шаги, дверь приоткрылась, выглянул мальчишка лет десяти.

– Вам кого?

Ютланд показал кувшин с вином.

– Синегуб заказывал. Вот принес...

Мальчик обернулся, прокричал:

– Заказанное вами вино принесли!

Донесся дальний мощный голос:

– Впусти.

Мальчишка отворил и тут же исчез, а Ютланд прошел через сени в большую просторную и светлую горницу. У распахнутого окна изголовьем к нему широкая кровать, на ней мощный мужик в плотной повязке на обнаженном торсе, полулежит, подложив под спину толстые полушки.

На белом полотне уже подсохшие кроваво-красные пятна, все на левой стороне груди и боку, но мужик выглядит достаточно бодрым, на Ютланда взглянул остро и оценивающе.

– Люблю понимающих людей, – прорычал он весело. – Только подумал, что кувшин бы вина, а ты уже с ним на пороге.

– Учусь, – ответил Ютланд. – Куда поставить?

– На стол, – велел мужик. – Сумеешь придвинуть?

Ютланд поставил кувшин на столешницу, стол тяжелый и массивный, потому не стал тащить по крашеному полу, а то поцарапает там, с осторожностью приподнял, стараясь не качнуть кувшин, и перенес ближе к кровати с раненым странствователем.

Тот кивнул.

– Молодец, парнишка. Вижу, силенка в тебе есть. Местный?

– Издалека, – ответил Ютланд скромно. Он налил вина в чашу, протянул Синегубу. – Отведайте.

Синегуб жадно осушил полчаши одним глотком, счастливо вздохнул, даже глаза прикрыл от удовольствия, но взор оказался чист и ясен, когда поднял веки и взглянул на Ютланда.

– Хорошее вино, ты прав. Сам не пьешь?

– Нет, – ответил Ютланд. – Быстро теряю голову. А мне буйствовать нельзя.

Синегуб сказал одобрительно:

– Буйствовать вообще нельзя, разве что в чужих краях. Ты так шляешься по дорогам или ищешь что-то определенное?

– Стараюсь разузнать о черном всаднике, – ответил Ютланд, – что скачет по ночам на черном коне... но услышал в корчме, что вы что-то знаете насчет Осеннего Ветра, бывшего тцара Артании. Он куда-то пропал, но никто ничего не знает, а сама Артания без него ввязалась в войну с Куявией...

Синегуб кивнул.

– Да-да, теперь обе зализывают раны. Я в самом деле совершенно случайно услышал, что Осенний Ветер, тцар Артании, жив, но в плену. Вот только у врагов или у друзей...

Ютланд спросил хмуро:

– Как можно быть в плену у друзей?

Синегуб сдвинул плечами, подумал, сказал рассудительно:

– Бывают, что и друзья хватают за руки, не дают, скажем, драться. Или лишить себя жизни. Или отправиться туда, откуда точно не возвращаются.

– А с Осенним Ветром что?

Синегуб вздохнул.

– Говорят, держат взаперти в огромной неприступной крепости. Настолько высоко в горах, что с ее высоты тучи вроде снежного поля. Живут там то ли ужасные дивы, то ли небесные сестры Порей Солнцерукой.

Ютланд спросил тревожно:

– Может быть, небесные девы мстят ему за то, что украл крылья Порей и заставил выйти за него замуж?

– Кто знает, – ответил Синегуб, он допил, кивнул Ютланду, чтобы наполнил снова. – А тебе что до этого артанского тцара?

– Да это же понятно, – ответил Ютланд. – Многие в Артании хотели бы узнать, где Осенний Ветер, и вернуть его на трон. Сейчас трон пуст. Сын Скилла еще ребенок, а Со-

вет Старейшин хорош был бы для Куявии или Вантита, но не для Артании, где привыкли видеть на троне могучего и властного правителя.

– Это да, – согласился Синегуб.

– А где те горы?

Синегуб с усилием вывернул шею, стараясь поймать взглядом раскрытое окно.

– Видишь вон то дерево? Если отсюда по прямой, как ворона летит, то сперва Славия, потом еще какие-то земли, мы шли лесами, а дальше горы, перед которыми те, что в Артании и Славии, просто кротовьи холмики. Где-то там снежные дивы, самые дикие и сильные, там же ледяные драконы, а еще, как уже сказал, небесный дворец крылатых дев.

Ютланд поднялся.

– Спасибо.

Он отступил к двери, Синегуб окликнул:

– Эй-эй! Забыл кувшин.

Ютланд отмахнулся.

– Оставь себе. Я заплатил за все.

На крыльце хорт посмотрел внимательно, обнюхал ему сапоги.

– Запахло кровью? – спросил Ютланд. – Думаю, скоро ее будет намного больше.

Глава 11

По обе стороны дороги мелькают толстые кряжистые деревья, прикрывая собой те, что помоложе и послабее. «Все, как у людей и волков», – подумал Ютланд.

Все защищают свое потомство, только вот он, Ютланд, вроде случайной овцы, что отбилась из стада, потому живет не по правилам. Вернее, сам нащупывает свои правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.